

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

ПЕНИЕ ПОД
ПОКРОВОМ НОЧИ

.....

МНИМАЯ
БЕСПЕЧНОСТЬ

Родерик Аллейн

Найо Марш

**Пение под покровом ночи.
Мнимая беспечность (сборник)**

«АСТ»

1959,1960

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Пение под покровом ночи. Мнимая беспечность (сборник) /
Н. Марш — «АСТ», 1959,1960 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-098291-2

Шум волн всегда манит любителей морских путешествий, однако инспектор Родерик Аллейн взошел по трапу корабля «Кейп-Фейруэлл» отнюдь не развлекаться. У него есть основания подозревать, что на корабле – печально известный «маньяк-романтик», привыкший оставлять на телах своих жертв красивые цветы. Однако как распознать убийцу-душителя в числе пассажиров, многие из которых и так уже, кажется, готовы вцепиться друг другу в горло? Театральные дивы известны несносным характером, за который так и хочется убить, – и с легендарной Мэри Беллами (в замужестве – миссис Темплтон) это действительно произошло: ее убили. Причем в ее собственный день рождения. Но кто лишил театралов их любимой звезды? Инспектор Родерик Аллейн понимает: буквально у всех присутствовавших в ее доме в тот день был и веский мотив, и возможность расправиться с актрисой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098291-2

© Марш Н., 1959,1960
© АСТ, 1959,1960

Содержание

Пение под покровом ночи	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Найо Марш

Пение под покровом ночи.

Мнимая беспечность (сборник)

Пение под покровом ночи

Действующие лица:

Мистер Кадди – торговец мануфактурой

Миссис Кадди – его жена

Мисс Кэтрин Эббот – специалист по церковной музыке

Мистер Филипп Мэрримен – учитель на пенсии

Отец Джордан – священник англо-католической церкви

Его друг, тоже священник

Джемайма Кармишель

Доктор Тимоти Мэйкпис – офицер медслужбы с «Мыса Фаруэлл»

Мистер Обин Дейл – знаменитость с коммерческого телевидения

Его дражайшая подруга

Их общий дражайший друг

Их общая дражайшая подруга

Мистер Дональд Макангус – филателист

Денис – стюард

Офицер беспроводной связи

Капитан Баннерман – капитан торгового судна «Мыс Фаруэлл»

Суперинтендант Родерик Аллейн – отдел криминальной полиции, Скотленд-Ярд

Констебль полиции Мойр

Водитель такси

Моряк

Миссис Диллингтон-Блик

Ее подруга

Глава 1

Пролог с трупом

Над всем Лондонским Пулом¹ и далее к востоку над доками тяжелыми пластами навис туман. Фонари плавали в нем, как маленькие луны в нимбах своего слабого сияния. Даже маленькие здания выглядели теперь величественно. Суда компании «Кейп Лайн» стояли у причала на якоре, и корпуса их зловеще возвышались над набережной: ««Мыс Сент-Винсент», Глазго», ««Мыс Горн», Лондон». ««Мыс Фаруэлл», Лондон». Верхушки кранов, обслуживающих эти корабли, были словно обезглавлены туманом. И оттого все их движения – наклоны, повороты – выглядели как-то особенно величественно.

За этими освещенными участками все остальные доки тонули в тумане. Пассажиры, поднимающиеся на борт «Мыса Фаруэлл», попадали из света в никуда. Все шумы и звуки были приглушены и словно изолированы, и если кому-то из присутствующих вдруг доводилось кашлянуть в кулак, то этот звук мог показаться громче тарахтения лебедки.

Констебль полиции Мойр, дежуривший сегодня до полуночи, то возникал в круге света, то снова пропадал в тени. Он вдыхал прохладный запах отсыревшего дерева, слышал шлепанье волн ночного прилива о сваи причала. Вокруг полицейского простирались акры судов и суденышек, целые леса кранов. Корабли, романтично размышлял он, – это своего рода маленькие отдельные миры. Сейчас привязаны к швартовым тумбам и стоят себе тихонько, но как только уйдут в свободное плавание по морям и океанам, станут одинокими, точно планеты в небесах.

Констеблю страшно хотелось попутешествовать. И утешался он лишь мыслями о женитьбе и перспективах повышения, а когда служба начинала особенно тяготить, мечтал, что рано или поздно получит медаль за эту самую службу и будет купаться в лучах славы. В проходе между зданиями, что выходили на пристань, он шел медленнее, потому что движение здесь было более оживленное. То и дело подъезжали автомобили. Особенно впечатлила его новенькая спортивная модель с потрясающей рыжеволосой дамочкой за рулем и тремя пассажирами, в одном из которых он с удивлением узнал популярного телеведущего, Обина Дейла. Очевидно, и другие двое, мужчина и женщина, тоже имели отношение к этому таинственному миру ослепительно ярких огней, передвижных камер и писем от многочисленных поклонников. Да достаточно было послушать, как они перекликались, то и дело называя друг друга «дорогой» и «дорогая», пока шли по этому проходу.

Констебль полиции Мойр продолжал добросовестно обходить территорию. То пропадал во тьме, то вновь возникал в круге света. Он достиг границы подведомственного ему участка и двинулся вдоль нее. Ко входу в здание морского вокзала подкатил автобус, и Мойр наблюдал за тем, как из него вышли пассажиры и с опущенными головами и чемоданами в руках двинулись на посадку на «Мыс Фаруэлл». Два священнослужителя, супружеская пара, роскошная грудастая дамочка со своей подругой, добродушного вида джентльмен, хорошенькая и довольно юная леди с несчастным выражением лица. Позади всех уныло тащился молодой джентльмен, который выглядел так, словно собирался предложить этой девушке донести багаж, но никак не мог решиться. Вот все они вошли в туман, точно фантомы, – верно, двинулись на посадку – и исчезли из вида.

Еще два с половиной часа Мойр патрулировал территорию. Строго посматривал на пьяниц, что попадались время от времени, оглядывал припаркованные автомобили, наблюдал за судами и пабами, прислушивался к каждому подозрительному звуку. В половине двенадцатого он свернул к причалу и прошел мимо целого строя пришвартованных мелких суденышек,

¹ Лондонский Пул – отрезок Темзы, примыкающий к Тауэрскому мосту, старейшая часть лондонского порта. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

плохо освещенных и погруженных в тишину, к тому же еле различимых в тумане, сгустившемся вокруг них.

«Тихо, – подумал он. – Очень тихий участок».

И как раз в этот момент вздрогнул от неожиданно резкого мяукающего крика.

– Интересные дела, – пробормотал он. – Не часто доводится слышать, как кричат чайки ночью. Всегда думал, что они спят, как и подобает порядочным христианам.

Крик прозвучал снова, но уже коротко, словно кто-то снял иглу с пластинки. Мойр не мог точно сказать, откуда донесся этот звук – вроде бы откуда-то со стороны причала компании «Кейп Лайн». Он дошел до самого конца набережной и поспешил обратно. Теперь уже явственнее слышались звуки возни и суеты у судна «Мыс Фаруэлл». Погрузка шла полным ходом.

Вернувшись в проход к причалу, он увидел привокзальное такси: машина стояла в тумане и выглядела заброшенной. Приблизившись, он с удивлением заметил водителя, застывшего за рулем. Таксист сидел так неподвижно, что Мойр подумал – наверное, заснул. Констебль наклонился, заглянул внутрь.

– Добрый вечер, друг, – сказал он. – Самая подходящая погодка, чтобы заблудиться в тумане.

– Это уж точно, – хрипловатым голосом буркнул водитель. – Эй! – продолжил он, высунувшись из машины и уставившись на полицейского. – Вы никого не видели?

– Видел? Кого именно?

– Юбку. Правда, больше смахивает на боксерские трусы.

– Нет, не видел, – ответил Мойр. – Это ваша пассажирка?

– Ага! Как же, пассажирка! Выскочу всего на полминутки, говорит, и сматывается с концами. Полминутки, ага! Черт, торчу здесь уже полчаса, никак не меньше.

– А куда она пошла? На корабль? – Мойр кивнул в ту сторону, где стоял «Мыс Фаруэлл».

– Ну, само собой. Работает в цветочной лавке. Должна доставить букет какой-то придурочной девке, а та наверняка скормит его рыбам, если не понравится. Вы только посмотрите на часы! Уже почти полночь! А она как сквозь землю провалилась!

– Вероятно, не может найти получателя, – предположил констебль, по привычке используя терминологию, принятую в судебных заседаниях.

– Вероятно, не может найти этот дурацкий корабль, уж не говоря о море! А может, просто утонула и с концами, – яростно пробормотал таксист.

– Уверен, все обстоит не так серьезно.

– А чем, по-вашему, я зарабатываю на хлеб? Двенадцать шиллингов и шесть пенсов – когда и как я их получу, а? Нет, ей-богу, плакали мои денежки, так что придется искать нового клиента.

– На вашем месте я бы не торопился, – посоветовал ему Мойр. – Подождет бы еще немного. Она вернется. А знаете, кто еще на борту этого корабля? Сам Обин Дейл!

– Тот хмырь из ящика, который рекламирует купальники от Джолиона и ведет шоу «Упакуй свои беды в старый мешок»?

– Точно. И сдается мне, она увидела его и не может оторвать взгляда. Все девицы просто сходят с ума по этому Обину Дейлу.

– Глупые коровы, – пробормотал таксист. – Подумаешь, какой-то хмырь из телека!

– Так почему бы вам не попробовать подойти к кораблю и поискать ее там?

– Черт, да с какой стати?

– Идемте. Я тоже пойду с вами. Покажу вам дорогу.

Таксист пробормотал что-то неразборчивое, однако вылез из машины, и они вместе двинулись по проходу. Он был довольно длинный, и тьма тут стояла – хоть глаз выколи, но впереди сквозь туман светилось расплывчатое пятно пристани. Наконец они вышли к ней и оказались

почти у самого корабля. Корма нависала над причалом, сквозь пелену просвечивало название судна: «МЫС ФАРУЭЛЛ ГЛАЗГО».

Добрая половина люков в этой части и в середине была уже задраена, лишь в носовой части продолжалась погрузка. На корме у освещенного трапа стоял, опираясь о поручни, матрос. Мойр поднял голову.

– Эй, приятель! Не видели здесь девушку, которая проносила цветы на борт? – спросил он.

– Часа два тому назад?

– Да нет, около получаса.

– Никого похожего не видел с тех пор, как подошел сюда, а было это, когда пробило восемь склянок.

– Послушай! – крикнул таксист. – Но она должна была пройти здесь.

– Никого тут не было. Я здесь на дежурстве. И никаких цветов на борт не проносили после того, как пробило восемь склянок.

– Ладно, ладно, мы поняли, – раздраженно проворчал таксист. – Склянки, это надо же!

– Все пассажиры уже на борту? – поинтересовался Мойр.

– Последний зашел минут пять назад. Так что коробочка полна, все в сборе, в том числе и мистер Обин Дейл. Хотя вы ни за что бы его не узнали, ведь он распрощался со своими бакенбардами. Прямо на себя не похож! О господи, – матрос взмахнул рукой, указывая то ли на свой подбородок, то ли на шею. – Нет, ему это не идет, придется, видно, отращивать снова, – добавил он.

– Ну а кого-нибудь еще не заметили? Того, кто как бы не на своем месте?

– Здравсте-пожалуйста! Да что случилось-то?

– Пока, насколько мне известно, ничего. Ровным счетом ничего.

– Как же тихо, – заметил матрос. – В тумане всегда так тихо. – Он сплюнул за борт. – Я тут слышал, как поет какой-то бедолага, – сообщил он. – Только голос довольно странный. Вроде бы женский, но не знаю, не уверен. Да и мелодия тоже какая-то незнакомая.

Мойр выждал секунду-другую, потом произнес:

– Что ж, еще раз спасибо, служивый. А мы пройдемся еще немного.

Они с водителем отошли на достаточное расстояние, и тогда, откашлявшись, потому что от тумана сильно першило в горле, Мойр поинтересовался:

– Ну а как она выглядела, папаша? Было на что посмотреть?

Водитель выдал ему довольно путаное и невнятное описание своей пассажирки, где единственной зацепкой могли послужить светлые волосы, уложенные в прическу по последней моде. Поразмыслив еще немного, таксист вспомнил туфельки на шпильках. Когда девушка выходила из машины, каблучок одной туфли застрял в щели между двумя планками, и ей пришлось вывозлять обувь.

Мойр внимательно слушал.

– Что ж, спасибо, – сказал он. – А теперь, думаю, надо бы мне пойти и самому осмотреться. А вы возвращайтесь в свой кэб и ждите там. Ждите, поняли меня?

Предложение вызвало новую волну недовольства, но констебль умел настоять на своем, и таксист, хоть и нехотя, вернулся к машине. Мойр проводил его глазами, затем двинулся в сторону стоявшей впереди лебедки, где грузчики встретили его подозрительными и настороженными взглядами, которыми в определенных кругах встречают полицейских. Мойр спросил их, не видели ли они здесь девушку, и повторил описание таксиста. Однако ни один из этих ребят вроде бы не видел.

Он уже развернулся к ним спиной, как вдруг один из парней спросил:

– Что, снова неприятности, мистер коп?

– Я бы так не сказал, – легкомысленно отмахнулся Мойр. Но тут послышался чей-то другой решительный голос:

– Что ж никак не поймаете Цветочного Убийцу, а, начальник?

– Не теряем надежды поймать, дружище, – добродушно ответил Мойр. И отошел с озабоченным видом – ведь он как-никак на службе.

И принялся искать девушку из цветочного магазина. На пристани полно темных уголков. Он медленно двигался вперед, посвечивал фонариком под платформами, за выгруженными тюками, в щели между строениями и горами какого-то груза. И даже направил луч на темную поверхность воды, где его поджидали неприятные, но не имеющие отношения к делу открытия.

Тем временем суета и шум на борту «Мыса Фаруэлл» понемногу стихли. Мойр услышал, как подняли передний трап, поднял голову и увидел отсыревшего и безвольно обвисшего в тумане Синего Питера². Докеры, завершившие погрузку, прошли через ангар, и постепенно голоса их стихли.

Констебль вернулся в проход. В самом дальнем его конце все еще стояло такси. По дороге на пристань они с водителем шли очень быстро, теперь же Мойр передвигался со скоростью улитки и светил фонариком. Он знал, что поверхности строений, затянутые темнотой и туманом, выглядят сплошными стенами, но на самом деле между этими сооружениями имелись проходы, пусть и узенькие. В одном месте от главного прохода открывался еле заметный сейчас проулок, и там царила чернильная тьма.

Было без одной минуты двенадцать, и «Мыс Фаруэлл», готовясь к отплытию, издал протяжный и хриплый гудок, больше напоминающий отрывку какого-то великана. Мойр даже вздрогнул от неожиданности.

Гудок, видимо, спугнул и крысу – она вылетела из какой-то щели и пробежала прямо по его сапогам. Он чертыхнулся, отшатнулся в сторону. Луч фонарика заплясал и вдруг вырвал на миг из черноты проулка туфлю на высоком каблуке и часть ноги. Мойр направил свет туда. Луч медленно прополз по ноге, высветил красноватую полосу в дырке на нейлоновом чулке. Он двигался все дальше и наконец остановился на россыпи искусственных жемчужин и ворохе свежих цветов на груди мертвой девушки.

² Синий Питер – флаг отплытия, сигнал о выходе в море.

Глава 2

Посадка

I

Тем же вечером, в семь часов от лондонского вокзала «Юстон» в сторону доков «Ройял-Альберт» отошел омнибус.

В его салоне находилось десять пассажиров, семеро из которых должны были сесть на корабль «Мыс Фаруэлл», который ровно в полночь отплывал в Южную Африку. Из троицы остальных двое были провожатыми, а третий – судовым врачом. Этот молодой человек сидел отдельно от всех и не отрывал глаз от страниц какого-то весьма внушительного на вид фолианта.

Пассажиры корабля, что характерно для всех путешественников, исподволь разглядывали друг друга. Те, которых провожали друзья, переговаривались полупрошепотом, строили догадки на тему того, что представляют собой остальные.

– Бог ты мой! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – Нет, правда? Быть того не может!

Ее подруга состроила гримаску, еле заметным кивком указала на судового врача и выразительно приподняла брови.

– А он очень даже ничего, верно? – прошептала она. – Ты заметила?

Миссис Диллингтон-Блик пожала плечами под пышной накидкой из серебристой лисицы, затем слегка повернула голову и окинула доктора притворно рассеянным взглядом.

– Как-то не разглядела, – призналась она и добавила: – Довольно мил, ты говоришь? Но остальные! Боже ты мой! Представляю. Лучше не думать! И однако же...

– Они офицеры, – робко намекнула подруга.

– Господи!

Глаза их встретились, и обе дамы снова тихонько рассмеялись. Мистер и миссис Кадди, сидевшие впереди, слышали этот смех. Супруги улавливали запах дорогих духов миссис Диллингтон-Блик. Слегка повернув головы, они даже могли разглядеть ее отражение в оконной раме – вся эта картинка походила на фотомонтаж, плывущий на фоне уличных фонарей и темнеющих фасадов зданий. Они видели призрачное отражение ее зубов, перьев на шляпе, сережек, мехов и букета орхидей на внушительном бюсте.

Миссис Кадди, одетая в темно-синее пальтишко, так и окаменела, а ее муж улыбнулся краешками губ. И они тоже обменялись взглядами, предвкушая, сколько неловких вещей наговорят друг другу об этой дамочке, когда останутся вдвоем в своей каюте.

Перед супругами Кадди в полном одиночестве сидела мисс Кэтрин Эббот, аккуратная и собранная. Она была опытной путешественницей и знала, что первое впечатление о попутчиках обычно бывает неверным. Ей нравился низкий бархатистый смех миссис Диллингтон-Блик, и она ломала голову над тем, где слышала акцент, с которым говорили Кадди. Но больше всего в данный момент она была озабочена своим собственным комфортом; ей не нравилось, когда ее беспокоят, а потому она выбрала место в самой середине салона – чтобы люди поминутно не шастали мимо нее и не раздражали сквозняки, когда будет открываться дверь. Она перебирала в памяти содержимое двух своих безупречно упакованных дорожных сумок. Мисс Эббот любила ездить налегке и ненавидела всю эту сумятицу и неразбериху, которые возникают, когда путешествуешь с большим багажом. За одним небольшим исключением она всегда брала в дорогу лишь самое необходимое. И вот теперь как раз размышляла об этом

исключении – о фотографии в кожаном портмоне. В глазах зашипало, и она тотчас возненавидела себя за это. «Выброшу за борт, как только отплывем, – подумала она. – Будет ей поделом».

Мужчина, сидевший впереди нее, перевернул газетную страницу, и мисс Эббот сквозь слезы прочитала заголовок, набранный крупными буквами: «Убийца устилает свой путь жертвами и цветами. Он до сих пор не пойман». Мисс Эббот была дальнорозка и, слегка подавшись назад, смогла прочесть параграф под этим заголовком.

«Личность убийцы, своего рода сексуального маньяка, который поет, когда убивает, а потом оставляет у тел жертв цветы, до сих пор не установлена. Сыщики опросили сотни свидетелей, но не смогли получить ни одной зацепки. Здесь (слева) публикуется новый пикантный снимок Берилл Коэн, которую нашли задушенной пятнадцатого января. А справа – студийный фотопортрет Маргерит Слэттерс, второй жертвы убийцы. Это преступление по своей жестокости сравнимо разве что с кровавыми деяниями Джека-Потрошителя. Суперинтендант Аллейн (см. сноску) отказывается делать какие-либо заявления, но говорит, что полиции крайне необходима любая информация о местонахождении Берилл в последние часы ее жизни (см. стр. 6, 2-ю колонку)».

Мисс Эббот ждала, когда владелец газеты перевернет страницу, но он все медлил. Она жадно всматривалась в увеличенный снимок Берилл Коэн и на указанную в тексте сноску. На нее мрачно взирало сильно искаженное при перепечатке фото суперинтенданта Аллейна.

Тут вдруг владелец газеты заерзал на сиденье. А потом резко обернулся, заставив мисс Эббот отпрянуть и рассеянно уставиться на багажную полку, где она тут же углядела его чемодан с болтающейся биркой: «Ф. Мэрримен, пассажир, пароход “Мыс Фаруэлл”». У нее возникло малоприятное ощущение, что мистер Мэрримен понял: она заглядывала ему через плечо и читала газету. И тут она не ошиблась.

Мистер Филипп Мэрримен в свои пятьдесят был закоренелым холостяком. Он работал учителем, преподавал английский в одной из наименее привилегированных маленьких средних школ. Внешность его была обманчива, хотя и совпадала с общепринятым мнением о том, как должен выглядеть типичный школьный учитель. Он имел привычку глядеть поверх очков на своих подопечных и ерошить волосы при виде столь удручающе знакомой картины. Стороннему наблюдателю мистер Мэрримен мог показаться эдаким ботаником, осколком прошлого. Но никто никогда бы не догадался, что в душе этого человека порой бушуют бурные страсти.

Он обожал читать о преступлениях, причем не только детективные романы, но и документальные материалы. Покупал «Геральд Трибьюн» и не упускал случая прочесть материалы о Цветочном Убийце – так газетчики называли преступника, личность которого никак не удавалось установить. Мистер Мэрримен осуждал журналистов и придерживался самого низкого мнения о методах работы полиции, однако сама эта история его очень заворожала. Он читал статью неспешно и методично, морщился при виде стилистических погрешностей и был крайне недоволен подглядыванием мисс Эббот. «Мерзкая мошенница! – такое прозвище тут же придумал мистер Мэрримен для этой девушки. – Чума на твой дом! Во имя Всевышнего, ну неужели так трудно было купить себе собственную газету?»

И вот он открыл «Геральд Трибьюн» на странице 6, предварительно надежно укрыв от любопытных глаз мисс Эббот, по возможности быстро прочел две колонки, затем сложил газету, встал и с поклоном протянул ей.

– Мадам, – сказал мистер Мэрримен, – возьмите, пожалуйста. Ибо, несомненно, вы, как и я, предпочитаете именно этот вид литературы.

Лицо мисс Эббот залилось густой краской. И она отозвалась глухо:

– Благодарю вас. Но вечерние газеты меня не интересуют.

– Возможно, вы уже прочли этот номер?

– Нет, – громче ответила мисс Эббот. – Не читала, даже более того – не имею ни малейшего желания. Так что еще раз спасибо.

Отец Чарльз Джордан, брезгливо морщась, пробормотал на ухо своему спутнику, тоже священнику:

– Семена раздора! Вот они, семена раздора! – Священнослужители занимали места напротив, и этот инцидент не укрылся от их внимания.

– От души надеюсь, – проговорил его собрат по вере, – что вы найдете там кого-то близкого вам по духу.

– По моему опыту, таковые всегда находились.

– Да, вы у нас путешественник опытный, – удрученно вздохнул его собеседник.

– Вам очень хотелось занять это место, отец? Вы уж не обижайтесь, просто любопытно.

– Нет, нет, какие тут могут быть обиды. К тому же в Дурбане ответственность у меня небольшая. Отец настоятель, как всегда, сделал очень мудрый выбор.

– А вы, надеюсь, рады, что едете?

Отец Джордан замаялся на секунду-другую, затем ответил:

– О да, да, конечно. Я рад, что еду.

– Думаю, там будет интересно. Эта община в Африке...

И далее они принялись обсуждать тонкости англо-католической службы.

Миссис Кадди, невольно подслушавшая их, поморщилась. От этой парочки так и несло католицизмом.

Только одна из пассажирок, ехавших в автобусе, не обращала ни малейшего внимания на своих спутников. Она сидела на переднем сиденье, глубоко засунув руки в карманы пальто из верблюжьей шерсти. На голове у нее красовалась черная шапочка-феска, шея искусно обмотана черным шарфом, талию стягивал широкий черный пояс. Пассажирка была так хороша собой, что ее красоту не смогли испортить даже недавно пролитые слезы. Теперь она не плакала. Сидела, уткнувшись подбородком в шарф, и хмуро смотрела в спину водителю. Звали ее Джемайма Кармишель. Ей было двадцать три года, и она страдала от неразделенной любви.

Автобус поднялся на Лудгейт-Хилл³. Судовой врач Тимоти Мэйкпис оторвался от своего фолианта и всем телом подался вперед в надежде бросить последний прощальный взгляд на собор Святого Павла. Тот величественно возвышался на фоне ночного неба. И Тимоти при виде него испытал ощущение, которое сам бы приписал – и наверняка правильно – к повреждению нервного узла. Однако обыватели почему-то предпочитали называть это замиранием сердца. Должно быть, подумал он, это оттого, что он покидает Лондон. Но затем он вдруг обнаружил, что смотрит не на купол собора святого Петра, а прямо в глаза девушки на переднем сиденье. В этот момент она тоже повернулась и взглянула из окошка автобуса вверх.

Отец Джордан между тем спрашивал:

– Читали вы когда-нибудь эту довольно занимательную вещичку Г. К. Честертона «Шар и крест»?

Джемайма приняла безразличный вид и снова уставилась в спину водителю. Доктор Мэйкпис нехотя вернулся к фолианту. Его наполняло чувство безмерного удивления.

II

Примерно в то же время, когда автобус проезжал мимо собора Святого Петра, от шикарного дома в фешенебельном районе Мэйфэр отъехал не менее шикарный спортивный автомобиль. В нем ехали Обин Дейл, его дражайшая подруга (владелица машины, сидевшая за рулем в норковом манто) и два их лучших друга, разместившихся на заднем сиденье. Все они только что насладились дорогим прощальным обедом и направлялись теперь в доки.

³ Холм в Лондоне, гора у ворот в Сити, которую некогда облюбовали римские завоеватели.

– Главное, дорогой, – заметила подруга, – чтобы в каюте не переводились запасы крепкого яблочного сидра. Напьюсь, и тогда это испытание будет перенести куда легче!

– Ну, дорогая, – нежно отозвался мистер Дейл, – ты непременно напьешься в стельку! Обещаю! Я уже обо всем позаботился.

Она сердечно поблагодарила его, и вскоре автомобиль резко свернул на набережную, подрезав такси, водитель которого разразился цветистыми проклятиями. Его пассажир, мистер Дональд Макангус высунулся из окна. Он тоже должен был отплыть на «Мысе Фаруэлл».

Примерно через два с половиной часа от цветочного магазина «Зеленый палец», что находился в Найтсбридж в Ист-Энде, тоже отъехало такси. Его пассажиркой была светловолосая девушка с большой плоской коробкой. В коробке лежал букет, накрытый целлофаном, стебли обвязаны шелковой желтой лентой с бантом, тут же прилагалась и карточка с адресатом: «Миссис Диллингтон-Блик». Такси свернуло к востоку. И оно тоже направлялось в доки «Ройял-Альберт».

III

Едва ступив на борт «Мыса Фаруэлл», миссис Диллингтон-Блик тут же принялась обустроить и осуществлять действия, которые друзья называли между собой ее особой «техникой». Первым делом она обратила внимание на стюарда. На «Мысе Фаруэлл» плыли всего девять пассажиров, и всех их обслуживал только один стюард. Им оказался бледный и чрезвычайно полный молодой человек со светлыми слегка встрепанными волосами, водянистыми глазами, родинкой в уголке рта и сильным акцентом кокни, который почему-то показался знакомым. Наладить с ним отношения для миссис Диллингтон-Блик не составило никакого труда. Она тут же спросила, как его зовут (оказалось – Денис), и выяснила, что именно он обслуживает бар. Она дала ему три фунта и намекнула, что это лишь для начала. Не прошло и нескольких секунд, как миссис Диллингтон-Блик уже знала, что Денису двадцать пять, он играет на губной гармонике и ему страшно не понравились мистер и миссис Кадди. Он был медлительным и прилипчивым молодым человеком, но ей в самой вежливой манере удалось от него отделаться.

– Вы просто чудо! – воскликнула ее подруга.

– Моя дорогая! – воскликнула в ответ миссис Диллингтон-Блик. – Да этот паренек будет ставить мою косметику в прохладном месте, когда мы доберемся до тропиков.

Ее каюта просто утопала в цветах. Денис отправился за вазами, попутно заметив, что орхидеи лучше держать в прохладном месте. Дамы обменялись взглядами. Миссис Диллингтон-Блик принялась отшпиливать карточки от букетов и читать вслух имена дарителей, сопровождая каждое негромким одобрительным возгласом. Казалось, она вмиг заполнила эту каюту с ее скучным и мрачноватым декором – заполнила запахом духов, мехами, цветами и самой собой.

– Стюард! – послышался недовольный оклик из коридора. Денис приподнял брови и вышел.

– Он уже твой раб, – заметила подруга. – Нет, честно!

– Просто я люблю комфорт, – сказала миссис Диллингтон-Блик.

Звал Дениса мистер Мэрримен. Опытный стюард всегда может отличить пассажира легкомысленного и вздорного от солидного человека. Но мистер Мэрримен успел понравиться Денису. Его очки, взъерошенные волосы и херувимское личико говорили ему, что это человек рассеянный, щедрый и доброжелательный, к тому же еще и застенчивый. И он был горько разочарован, когда, явившись на зов мистера Мэрримена, вдруг увидел, что тот пребывает в ужасе и негодовании. Похоже, что его ничего не устраивало в каюте. Мистер Мэрримен просил помещение на левом борту, а оказалось, что оно на правом. Багаж доставили в жутком состо-

янии, и еще он хотел, чтобы койку его застелили должным образом, как кровать дома, а не устраивали из нее какой-то, как он выразился, дурацкий лабиринт.

Денис выслушал все эти претензии с невозмутимым видом, даже не поднимая глаз.

– Это всего лишь стечение обстоятельств, – заметил он, когда мистер Мэрримен наконец умолк. – Что ж, посмотрим, что мы можем для вас сделать. – Он добавил слово «сэр», но опять же не в той манере, как было принято в средней школе, где работал мистер Мэрримен.

Мистер Мэрримен откашлялся и заявил:

– Вы выполните все мои пожелания немедленно. Я на прогулку, ненадолго. И когда вернусь, чтобы все было исполнено. – Денис разинул рот. Мистер Мэрримен добавил: – Вот таким образом. – А затем демонстративно запер верхний ящик туалетного столика и вышел из каюты.

– Готов поклясться, – растерянно пробормотал Денис, – этот тип – настоящее шило в заднице. Мы еще хлебнем с ним горя.

Собрать по вере отца Джордана помог ему разложить скромные пожитки в каюте. Закончив с этим, священники посмотрели друг на друга с несколько неуверенным и озабоченным видом людей, которым предстоит скорое расставание.

– Что ж, – заговорили они одновременно, и отец Джордан продолжил: – Очень мило, что вы проводили меня, проделали весь этот путь. Я был рад вашей компании.

– Вы? – восхищенно заметил коллега. – Думаю, нет нужды говорить, какую радость вы доставили мне. – Он убрал руки под сутану и скромно стоял перед отцом Джорданом. – Автобус отходит в одиннадцать, – добавил он. – Вы, наверное, хотели бы обустроиться и передохнуть.

Отец Джордан улыбнулся и спросил:

– Что-нибудь желаете сказать мне на прощанье?

– Ничего такого, что соответствовало бы случаю. Просто я... ну, вдруг понял, как это много значит для меня – иметь перед глазами пример столь доблестного служения. Такой, как вы...

– Человек мой дорогой!

– Нет, правда! Вы поразили меня, отец, столь глубоким и ревностным служением Господу нашему и Его церкви. Да будет вам известно, все наши братья просто восхищаются вами! И еще, думаю, все мы знаем о вас гораздо меньше, чем друг о друге. Тут на днях отец Бернар сказал, что, хотя наш орден не связан обетом молчания, вы всегда будете придерживаться своего правила молчания духовного.

– Не уверен, что столь уж восхищен этим афоризмом отца Бернара.

– Вот как? Но он имел в виду только хорошее. Нет, правда. Вот я, к примеру, слишком много болтаю. Надеюсь, что в самом скором времени возьму себя в руки и перестану. Прощайте, отец. Да благословит вас Господь!

– И вас тоже, мой дорогой. Пойду провожу вас до автобуса.

– О нет, пожалуйста...

– Мне будет приятно.

Они прошли на нижнюю палубу. Отец Джордан перемолвился словечком с матросом, дежурившим у трапа, и оба священника сошли на берег. Моряк наблюдал за тем, как они идут по причалу к зданию морского вокзала, туда, где находилась автобусная остановка. В своих черных сутанах и шляпах они походили на привидения. Вскоре туман поглотил их. А примерно через полчаса отец Джордан вернулся уже один. Было пятнадцать минут двенадцатого.

Каюта мисс Эббот находилась ровно напротив каюты миссис Диллингтон-Блик. Ее владелица быстро и аккуратно распаковала свои сумки, бережно, точно некие церемониальные одеяния, разместила сложенные предметы туалета в шкафчике. Все наряды отличались строгостью. На дне второй сумки лежала пачка нот. В кармане жакета – фотография. То был снимок

женщины примерно того же возраста, что и мисс Эббот, довольно хорошенькой, но с грустным разочарованным взглядом. Мисс Эббот смотрела на снимок, пытаясь побороть чувство отчаяния и отвращения, затем уселась на койку, зажав крупные ладони между коленями. Шло время. Судно слегка покачивалось у причала. Мисс Эббот услышала громкий бархатистый смех миссис Диллингтон-Блик, и ей немного полегчало. Прибывали новые пассажиры, слышались шаги над головой и какая-то возня и крики на причале. Откуда-то из дальнего конца пассажирского отсека доносился звучный и властный мужской голос, показавшийся знакомым. Вскоре мисс Эббот поняла, почему. Дверь в каюту напротив приоткрылась, в коридор вышла подруга миссис Диллингтон-Блик, и стало хорошо слышно, о чем говорят эти две дамы. Миссис Диллингтон-Блик стояла в дверном проеме и говорила сквозь смех:

– Что ж, тогда иди, ступай, если можешь.

Подруга зашагала по коридору. Но очень скоро вернулась и возбужденно воскликнула:

– Так оно и есть, дорогая! Он ее сбрил! Стюард мне сказал. Надо же, Обин Дейл, вон что учудил! Дорогая, но это же просто сенсация! Тебе повезло!

Тут раздался новый взрыв смеха, затем миссис Диллингтон-Блик заметила, что ждет не дождется, когда они попадут в тропики и она сможет надеть новый купальник от Джолиона. А потом дверь в каюту захлопнулась, и их голоса стихли.

– Идиотки, – пробормотала сквозь зубы мисс Эббот. Сама она была совершенно безразлична к телевизионным знаменитостям. А затем она принялась размышлять над тем, стоит ли выбрасывать фотографию за борт, как только они выйдут в открытое море. Может, лучше порвать ее на мелкие кусочки прямо сейчас и бросить в корзину для мусора? Или же выбросить в гавани? Но как одинока будет она тогда! Мисс Эббот забарабанила пальцами с крупными костяшками по худым коленкам, и тут в голову пришла другая мысль: что, если ей самой броситься за борт прямо в гавани? Вода наверняка жутко холодная и грязная, там плавают разные отбросы – отвратительно!

– О боже! – пробормотала мисс Эббот. – Все же я чертовски несчастное существо!

Тут к ней в каюту постучался Денис.

– Вам телеграмма, мисс Эббот, – пропел он.

– Телеграмма? Мне? Неужели?

Он открыл дверь и вошел.

Мисс Эббот взяла телеграмму и вскрыла ее дрожащими руками.

«Дорогая Эбби я в отчаянии пожалуйста напиши или если еще не поздно позвони. Ф.»

Денис топтался у порога. Мисс Эббот спросила дрожащим голосом:

– Еще не поздно отправить ответ?

– Ну... да. То есть я хотел сказать...

– Или позвонить? Могу я позвонить?

– Да, на борту есть телефон, но я только что проходил мимо и видел, возле него выстроилась целая очередь.

– А сколько осталось до отплытия?

– Около часа, но телефон отключают раньше.

– Но это крайне важно, – в отчаянии протянула мисс Эббот. – И очень срочно.

– Сожалею.

– Погодите. Я вроде бы видела будку телефона-автомата в доках? Ну, неподалеку от автобусной остановки?

– Да, верно, – весело подхватил Денис. – Вы очень наблюдательны.

– Тогда я еще успею сбежать туда и позвонить, правильно?

– Времени у вас полно, мисс Эббот. Просто уйма времени.

– Тогда я сбегаю. Прямо сейчас.

– Но в обеденном зале подают кофе и сэндвичи.

– Я не хочу. Лучше сбегаю позвонить.

– На улице холодно. Жуткий колотун. Надо бы накинуть пальто, мисс Эббот.

– Это не важно. Впрочем, ладно. Спасибо вам.

Она выдернула из шкафа пальто, схватила сумочку и выбежала из каюты.

– Сперва прямо, по прогулочной палубе, потом свернете направо, – крикнул он ей вслед и добавил: – Смотрите не заблудитесь в тумане.

Мисс Эббот так странно себя вела, так разволновалась, что вызвала у Дениса любопытство. Он вышел на палубу и увидел, как она бежит по причалу прямо в туман. «Бегает прямо как парень, – подумал Денис. – Разные люди встречаются на белом свете».

Мистер и миссис Кадди разместились каждый на своей койке и смотрели друг на друга. В глазах их танцевали шутливые искорки – это выражение они обычно приберегали для самых интимных случаев. Вентиляторы в переборке вдували в каюту горячий воздух, иллюминатор был задраен, багаж разложен надлежащим образом, и супруги Кадди расслабились.

– Ну, пока что все нормально, – с важным видом заметила миссис Кадди.

– Ты довольна, дорогая?

– Грех жаловаться. Вроде бы тут чисто.

– К тому же собственный душ и туалет, – он кивнул на узенькую дверцу.

– Есть в каждой каюте, – согласилась она. – Делить с кем-то туалет – нет уж, увольте.

– Ну а как тебе показалась компания? Есть довольно занятные типы.

– Особенно эти римско-католические священники.

– Нет, плывет только один. Второй его просто провожал. Так ты считаешь, они из римско-католической церкви?

– Похоже на то, верно?

Мистер Кадди улыбнулся. Улыбка у него была странноватая – очень широкая и всезнающая.

– На мой взгляд, чисто клоуны, да и только.

– Вообще-то мы плывем с представителями высшего общества, – сказала миссис Кадди. – Ты заметил эти меха?

– А духи? Тьфу!

– Придется мне не спускать с тебя глаз, а то еще влюбишься.

– Слышала, о чем они говорили?

– Ну, не все, – созналась миссис Кадди. – Вроде бы говор у нее как у леди, а вот мысли не столь благородны.

– Серьезно?

– Типичная охотница за мужчинами.

Мистер Кадди заулыбался уже во весь рот.

– А ты заметила цветы? – спросил он. – Это орхидеи. По фунту и восемьдесят пенсов каждый цветок!

– Да ладно!

– Точно тебе говорю. Это факт. Вообще-то очень красивые, – добавил мистер Кадди с какими-то странными нотками в голосе.

– А ты видел, что произошло с той другой дамочкой, которая заглядывала через плечо пожилого типа и читала его газету? Ну, в автобусе?

– Делать мне больше нечего! Плевать я хотел.

– Он читал обо всех этих преступлениях. Ну, ты знаешь. Цветочный Убийца. Тот разбрасывает цветы на груди своей жертвы. И поет.

– До или после?

– После. Ну, скажи, разве это не ужасно? – восторженно воскликнула миссис Кадди.

Мистер Кадди что-то неразборчиво буркнул в ответ.

Супруга его не унималась:

– Стоит только подумать, прямо мороз по коже. Интересно, с чего это он спятил?

– Женщины.

– Ну, конечно, правильно. Вали все на женщин, – добродушно заметила она. – Как все остальные мужчины.

– Ну а ты сама подумай. Что писали в той газете?

– Я толком не разглядела, но думаю, ты прав. Все только об этом говорят и пишут. И его, разумеется, еще не поймали.

– Жаль, что у нас нет той газеты. Как это я забыл купить?

– Может, найдется хотя бы одна в комнате отдыха.

– Как же, надейся!

– А тот старик оставил свою в автобусе. Я заметила.

– Вот как? А знаешь, – добавил мистер Кадди, – я просто обожаю вечерние газеты. Может, стоит сбегать и посмотреть, на месте ли она? Ведь автобус отходит только в одиннадцать. Нет, правда, сбегая.

– Только смотри, недолго. Ты же знаешь, как я буду нервничать. Если опоздаешь на паром...

– Но, дорогая, мы отплываем в полночь, а сейчас всего десять минут двенадцатого. Я мигом, туда и обратно. И потом подумай: ты же можешь отправиться в плавание со всеми этими бравыми морячками!

– Но я хочу с тобой.

– И оглянуться не успеешь, как я вернусь.

– Понимаю, как это глупо, – пробормотала миссис Кадди, – но всякий раз, когда ты уходишь, пусть даже в комнату для отдыха, я начинаю жутко нервничать.

– Глупышка моя. Я бы и тебя взял с собой, но думаю, что не стоит. К тому же там внизу уже подают кофе.

– Скорее кофейную эссенцию.

– Что ж, выясним, когда я вернусь. Веди себя хорошо, девочка.

Мистер Кадди нахлобучил на голову фетровую шляпу серо-стального цвета, надел дождевик с поясом, стал похож на частного детектива – по крайней мере, именно таким представляют этот персонаж режиссеры многих фильмов – и отправился на берег.

Миссис Кадди осталась в каюте. Сидела, нервно выпрямившись, на койке и ждала мужа.

Подруга мистера Обина Дейла посмотрела в иллюминатор и пробормотала заплетающимся языком:

– Дорогой, там все кипит и бурлит, прямо как суп гороховый варится. Думаю, нам пора сматываться.

– Ты собираешься сесть за руль, дорогая?

– Естественно.

– Но ты в порядке? Сможешь вести?

– Милый, я всегда в полном порядке, когда напьюсь, – сообщила она. – Это придает какое-то особое умение, которого так не хватает другим водителям.

– Нет, это просто ужасно.

– Я докажу, что у меня все под контролем, предлагаю уехать отсюда, пока этот чертов туман окончательно все не поглотит. О, дорогой! Боюсь, я сейчас разрыдаюсь. Где мой носовой платок?

Она открыла сумочку. Из нее, точно развернутая пружина, вылетела игрушечная змея, тайно помещенная туда любовником, который питал пристрастие к подобного рода шуточкам.

Эта выходка внесла некоторое разнообразие в рутинную церемонию прощания – вышла небольшая заминка. Но затем провожающие пришли к выводу, что им действительно пора.

– Особенно после того, – заметил друг Дейла, – как мы прикончили последнюю бутылку. Прости, старина. Я сегодня не в форме. И стоящего шоу не получилось.

– Перестань, – сказала его подруга. – Все было очень здорово, просто потрясюще! Дорогой Оби! Нам действительно пора.

Они начали выходить из каюты, но тут Обин Дейл заявил, что проводит их до машины.

И вот они всей компанией сошли на берег, громко переговариваясь хорошо поставленными голосами, а туман тем временем еще больше сгустился.

Было пять минут двенадцатого. Автобус уже отъехал, одинокое такси стояло на том же месте. Их машина была припаркована в дальнем конце причала. Они столпились вокруг нее и поболтали еще несколько минут. Все друзья в один голос твердили Дейлу о том, что путешествие принесет ему огромную пользу, что он прекрасно выглядит без своей знаменитой бороды и его будет страшно не хватать в программе. И вот наконец они отъехали, дав на прощанье несколько гудков клаксоном.

Обин Дейл помахал им, затем сунул руки в карманы пальто из верблюжьей шерсти и зашагал обратно к пароходу. Насыщенный влагой ветерок шевелил его волосы, мимо проплывали клочья тумана. Он думал о том, как фотогенично выглядит сейчас этот причал. Дымовые трубы нескольких кораблей были освещены снизу, остальные их части обрели дрожащие неверные очертания, расплываясь в тех местах, где тень граничит со светом. Фонари, точно луны, зависли в молочной пелене тумана. Отовсюду доносились невнятные звуки и множество незнакомых запахов. Дейл вообразил, что находится сейчас на съемках своей программы, и принялся подбирать соответствующие случаю фразы. Да, он бы очень неплохо смотрелся, хотя бы на фоне этого темного прохода – так ему показалось. Он провел ладонью по бритому подбородку и зябко передернулся. Нет, надо взять себя в руки. Вся эта идея с путешествием возникла из необходимости хотя бы немного отвлечься от работы. Надо постараться даже не думать о ней или о чем-то другом, не менее огорчительном. К примеру, о своей подруге, как бы она ни была мила и прелестна. И тут же все его мысли целиком переключились на нее. Надо было подарить ей что-нибудь на прощанье. Цветы? О нет, нет. Никаких цветов. Они вызывают самые неприятные ассоциации. Его бросило в жар, потом в холод. Дейл сжал кулаки и вошел в темный проход.

Примерно минуты через две на причал прибыл последний пассажир парохода «Мыс Фаруэлл». Это был мистер Дональд Макангус, пожилой холостяк, страдавший сильными приступами водобоязни. Туман на набережной сгустился еще больше. В Сити обстановка на дорогах была просто жуткой. Несколько раз его такси подолгу стояло в пробках, дважды водителю приходилось сворачивать с курса в объезд. И когда мистера Макангуса уже просто затошнило от волнения, водитель вдруг заявил, что дальше не поедет. Он указал на какие-то смутные, еле видимые очертания крыш и стен и еле мерцающий за ними свет. И сказал, что именно там и находится пароход мистера Макангуса. Он просто должен идти на этот свет и – непременно выйдет к пароходу. Это заявление привело к отчаянным спорам об оплате и особенно о чаевых: поначалу мистер Макангус недодал чаевых, затем, пребывая в крайне нервном состоянии, переплатил. Водитель смотрел на него жалостливо. Затем всучил фибровый чемодан владельцу – тот ухватил его за ручку, – сунул картонную коробку и пакет в коричневой бумаге ему подмышку. И вот нагруженный таким образом мистер Макангус затрусил вперед и исчез в туманной пелене, а такси вернулось в лондонский Ист-Энд.

Было уже половина двенадцатого. Таксист, который подвозил девушку из цветочного магазина, по-прежнему надеялся получить оплату, а констебль полиции Мойр пытался раз-

влечь его разговором. Последний трап подняли, «Мыс Фаруэлл» был готов к отплытию, и капитан корабля Баннерман ждал своего лоцмана.

Без одной минуты двенадцать завывла сирена.

В этот момент констебль позвонил из автомата в полицию. Его соединили с криминальным отделом Скотленд-Ярда.

– Тут еще одно обстоятельство, сэр, – заговорил он в трубку. – Помимо цветов. В правой руке у нее был зажат клочок бумаги. Похож на фрагмент посадочного талона, такие раздают пассажирам. Талон для посадки на «Мыс Фаруэлл».

Мойр выслушал ответ, затем обернулся, взглянул поверх еле заметных крыш на огромную красную с белой полосой дымовую трубу. Она удалялась и вскоре исчезла в тумане.

– Боюсь, что уже не смогу сесть на пароход, сэр, – сказал он. – «Мыс Фаруэлл» только что отчалил.

Глава 3

Отплытие

I

Всю ночь через двухминутные интервалы на «Мысе Фаруэлл» включали сирену. Пассажиры, улегшиеся спать, время от времени слышали этот звук, и во сне им казалось, что какой-то монстр трубит в гигантскую трубу. Те же, кому заснуть не удалось, прислушивались к этому вою с тревогой и плохими предчувствиями. Обин Дейл, к примеру, пытался подсчитать секунды между гудками – иногда у него выходило сто тридцать, иногда эта цифра снижалась до ста пятнадцати. Затем он постарался определить свой пульс, но разнервничался. Ему показалось, что сердце колотится как-то слишком уж часто. Дейл принялся думать о вещах, о которых лучше вовсе не думать, в том числе и о худшей из всех: о своем ужасном провале на летней ярмарке в Мелтон Медбери. Именно поэтому его психиатр посоветовал отправиться в путешествие, чтобы все поскорее забыть. Он уже принял на ночь одну таблетку снотворного. В два часа ночи принял вторую, и это подействовало.

Мистер Кадди тоже бодрствовал. Он нашел газету мистера Мэрримена, которую тот оставил в автобусе. Газета была сложена кое-как и вся растрепалась, но, улегшись в постель, Кадди прочел ее самым внимательным образом, особенно ту статью, где говорилось о Цветочном Убийце. Поначалу он читал вслух, чтобы как-то развлечь миссис Кадди, но вскоре ее громкий храп возвестил о том, что эти его старания бессмысленны. Он выпустил газету из рук и стал прислушиваться к сирене. Потом принялся гадать: станут ли проявлять его со товарищи по путешествию снобистское отношение к нему и миссис Кадди. Вспомнил об орхидеях миссис Диллингтон-Блик, которые колыхались на ее пышной груди, и постепенно погрузился в спокойный сон.

А вот мистер Мэрримен, в отличие от других, сразу заснул крепким сном. И если ему и снились знакомый стюард или незамужняя старая дева, видения эти остались в самой глубине сознания, и вспомнить их потом будет невозможно. Подобно многим другим людям взрывного темперамента, он компенсировал эту особенность глубоким и сладким сном.

Впрочем, примерно так же поступил и отец Джордан. Помолившись, улегся в постель, и, поворочавшись немного на довольно жестком матрасе, впал в мирное забвение, которое длилось до утра.

Мистеру Дональду Макангусу понадобилось не так уж много времени, чтобы отойти от обстоятельств, из-за которых он едва не опоздал на пароход. Тем не менее Макангус успел выпить кофе и съесть сэндвич в обеденном зале, где он с нескрываемым любопытством и даже настороженностью разглядывал спутников по плаванию. Нет, по натуре своей Дональд Макангус не был человеком злобным или подозрительным, просто обладал любознательностью, свойственной выходцам из Средней Шотландии. Он собирал факты о людях, как не слишком разборчивый филателист собирает марки для своей коллекции – просто покупает те, которые ему глянутся. Он оказался за одним столом с супругами Кадди – пассажиров еще не прикрепили к определенным местам – и вскоре выяснил, что живут Кадди в Далвиче и мистер Кадди занят в каком-то бизнесе. Но что именно это за бизнес – мистеру Макангусу оставалось только гадать. Он поведал своим соседям о приключениях с такси. Но затем, остановленный холодным и неподвижным взглядом миссис Кадди, завязал со всеми расспросами и совершенно неудовлетворенный вернулся в свою каюту.

Там он улегся в постель, переодевшись в веселенькую ярко-красную пижаму. И какое-то время просто лежал, погруженный в несвязные и пустяшные мысли, пока они плавно не перешли в сновидения. Завывание сирены его ничуть не беспокоило.

Позвонив из телефона-автомата, мисс Эббот брела по пристани, почти не обращая внимания на туман, и глаза ее отливали лучезарным блеском. Матрос у трапа заметил, а позже и припомнил, что она с трудом подавляла возбуждение. Мисс Эббот улеглась в постель и все еще не спала, когда пароход отчалил. Она наблюдала, как пробегают за иллюминатором расплывчатые огоньки, ощущала неспешный рокот двигателей. И заснула только после часа ночи.

Джемайма Кармишель почти не обращала внимания на своих спутников – все силы и волю тратила на то, чтобы подавить закипающие на глазах слезы. Она сердито твердила себе, что плач – это произвольный физический процесс, полностью контролируемый и в ее случае совершенно неоправданный. Убеждала себя, что у многих людей помолвка срывается в самую последнюю минуту и что от этого еще никто не умирал. Мало того, у большинства этих людей, в отличие от нее, нет такой возможности – резко оборвать все связи и отправиться в Южную Африку.

Не надо было заглядываться на собор Святого Павла. Это ошибка. Красота и величие сооружения всегда оказывали на нее сильнейшее эмоциональное воздействие; от ее внимания не укрылось, что молодой человек, сидевший напротив в автобусе, заглядывает ей в глаза и, судя по всему, испытывает к ней жалость. С того момента поездки в автобусе казалась почти невыносимой, она немного успокоилась, только когда пришлось идти по пристани сквозь туман на посадку. Даже забавно, что ее отъезд происходит в столь мрачной обстановке. Джемайма видела мелькающие перед ней туфельки миссис Диллингтон-Блик из лакированной кожи и на высоких каблуках, слышала обрывки разговора супругов Кадди. Она также чувствовала, что тот самый молодой человек идет прямо следом за ней. Когда они вышли из прохода на пристань, он вдруг сказал:

– Позвольте я поднесу ваш чемодан, – и взял поклажу из ее руки перед тем, как она успела возразить. – Весь мой багаж уже на борту, – добавил он. – И идти с пустыми руками мне как-то неловко. Вы не против? Не возненавидите меня за это?

– Нет, – несколько удивленная такой постановкой вопроса, пробормотала в ответ Джемайма. – В данный момент не возражаю.

– Возможно, это послужит для вас приятной переменной.

– Ничего подобного, – быстро выпалила она.

– Наверное, все же женщины по природе своей более зажатые существа. А тщеславие, как вы можете подумать, больше в природе мужчин. И окажетесь правы. Кстати, известно ли вам, что среди пассажиров сам Обин Дейл?

– Вот как? – без особого интереса откликнулась Джемайма. – Ему для путешествия больше подошел бы роскошный круизный лайнер и организованное веселье по вечерам.

– Насколько я понял, его отправили подлечиться. Устал от всех этих камер, суеты. Однако готов поспорить: очень скоро он заскучает без огней ramпы. Кстати, я судовой врач, и это мое первое долгое путешествие. Позвольте представиться, Тимоти Мэйкпис. А вы или мисс Кэтрин Эббот, или же мисс Джемайма Кармишель. Я от души надеюсь, что последнее.

– И будете страшно разочарованы, если это не так? – спросила Джемайма.

– Да я все поставил на эту карту. И, как догадываюсь, оказался прав. Это ваше первое большое путешествие?

– Да.

– Однако, смотрю, вы не слишком этому рады, как можно было бы ожидать. А вот и корабль, прямо нависает над нами. Приятно думать, что мы встретимся снова. А номер каюты у вас какой? Я не собираюсь вам докучать, просто отнесу туда чемодан и все.

– Номер четыре. И большое вам спасибо.

– Не за что, – вежливо отозвался доктор Мэйкпис. Он проводил ее до каюты, внес чемодан, отвесил довольно сдержанный поклон и удалился.

Джемайма вяло подумала: «Странно, но почему-то не верится, что этот молодой человек ломал тут комедию». И тут же постаралась выбросить его из головы.

А затем вспомнила обо всех своих неприятностях и снова пала духом. Она уговорила своих родителей и друзей не приходить к пароходу и не провожать ее в плавание и распрощалась с ними уже довольно давно. И теперь чувствовала себя страшно одинокой.

Каюта показалась ей какой-то безликой. Джемайма слышала голоса и гулкие звуки шагов по палубе над головой. Она ощущала специфический запах корабля, немного отдающий резиной. Как выдержит она здесь целых пять недель в обществе дамы на тонких каблуках-шпильках, этой парочки с голосами из Клапхэм-Коммон⁴ и страшно непривлекательной старой девы? Она взялась распаковывать багаж. Заглянул Денис, он показался ей жутко противным типом. Впрочем Джемайма сразу укорила себя в предвзятости и недоброжелательности к людям. И почти тотчас же нашла в рундучке каюты пакет из дорогого магазина, где находилось очень красивое платье и была приложена записка от мамы. Обнаружив этот подарок, она уселась на койку и расплакалась, как маленькая девочка.

Ей понадобилось время, чтобы успокоиться и закончить раскладывать вещи. Она вдруг почувствовала, что страшно устала, и решила отдохнуть.

Джемайма лежала в постели, прислушивалась к звукам, доносившимся из корабля и с пристани. Постепенно она начала осваиваться в каюте, и к ощущению чужеродности вдруг стало примешиваться чувство радостного предвкушения. В голове звучал приятный мужской голос – «смотрю, вы не слишком этому рады, как можно было бы ожидать». А потом вдруг она провалилась в сон, столь крепкий, что не слышала, как отплыл пароход, и лишь уголком сознания улавливала протяжное завывание сирены с интервалом в две минуты на протяжении всей ночи.

К половине первого все пассажиры уже были в кроватях, даже миссис Диллингтон-Блик, которая, перед тем как лечь, очень долго и тщательно ухаживала за лицом с помощью новомодных и дорогих косметических средств.

Дежурные офицеры сделали обход и тоже разошлись по своим каютам. И «Мыс Фаруэлл», очень медленно плывущий в тумане, вышел из эстуария Темзы с убийцей на борту.

II

Капитан Джаспер Баннерман стоял на мостике рядом с лоцманом. Ему предстояло бодрствовать всю ночь. Профессия их была одной из древнейших в мире, и хотя теперь у них имелись радар и беспроводная связь, опасения моряков, вглядывавшихся в непроницаемую полосу тумана, были такими же, как и у их далеких предшественников. Предупреждающие сигналы последовательно поступали из пунктов, названия которых они знали наизусть – Доггер, Дандженесс, Внешние Гебридские острова, гавань Скапа-Флоу, маяк Портланд-Билл, отмель Гудвина.

– А она умница, эта твоя машина, – заметил лоцман, всматриваясь в туман. – Отличная работа! Пока справляемся как надо.

⁴ Клапхэм-Коммон – городской парк на южной окраине Лондона.

Голоса других, невидимых в тумане кораблей, такие одинокие и заунывные, доносились с разного расстояния. Время тянулось очень медленно.

В половине третьего на мостик заглянул радист, принес две радиограммы.

– Подумал, лучше доставлю сам, сэр, – сказал он, обращаясь к капитану. – Они зашифрованы. И еще указано «Срочно».

– Хорошо, – кивнул капитан Баннерман. – А ты пока жди здесь. – И он удалился в свою каюту. Там достал книгу кодов и расшифровал послания. Возился он довольно долго, а затем позвал:

– Спаркс!

Радист вошел в капитанскую каюту, зажав подмышкой фуражку, затворил за собой дверь.

– Только этого нам сейчас, черт возьми, и не хватало, – проворчал капитан Баннерман. Радист терпеливо ждал, стараясь ничем не выказывать любопытства. Капитан Баннерман подошел к иллюминатору правого борта и молча перечитал обе расшифрованные радиограммы. Первая была от исполнительного директора компании «Кейп Лайн»:

«Совершенно секретно. Дирекция просит вас соблюдая конфиденциальность оказать всяческое содействие суперинтенданту Аллейну точка его доставят на катере в Портсмут точка там он поднимется к вам на борт точка будет путешествовать в качестве пассажира точка просьба предоставить отдельную каюту точка просьба держать лично меня в курсе всех событий точка компания полагается на вашу осторожность и благоразумие точка Камерон точка конец сообщения».

Капитан Баннерман недовольно фыркнул и прочитал второе сообщение.

«Срочно и строго конфиденциально точка суперинтендант Аллейн сядет на борт вашего корабля в Портсмуте куда его доставят на катере точка он лично объяснит в чем проблема точка наш департамент поддерживает связь с вашей компанией точка отправил С. А. Мэйджорибэнкс помощник комиссара криминального департамента Скотленд-Ярда точка конец сообщения»

– Я написал два ответа, – сказал капитан Баннерман, – строго взирая на своего подчиненного. – Одинаковые, для обоих адресатов! «Инструкции получены и приняты к сведению точка Баннерман». – И сделай мне такое одолжение, Спаркс, держи язык за зубами.

– Само собой, сэр.

– Чтобы ни одна живая душа!

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и молодец.

– Спасибо, сэр.

Радист развернулся и вышел. Потрясенный капитан Баннерман пребывал в трансе с полминуты, затем вернулся на мостик.

На протяжении всей остальной ночи он занимался своими прямыми обязанностями: вел судно в самом густом за последние десять лет тумане, что требовало самого напряженного внимания и недюжинной выучки. И одновременно уже на другом, почти подсознательном уровне размышлял о своих пассажирах. Баннерман наблюдал за посадкой с капитанского мостика и видел их всех. И, подобно каждому мужчине, бросившего хотя бы беглый взгляд на миссис Диллингтон-Блик, составил самое благоприятное впечатление об этой даме. Шикарная женщина. Он также отметил и Джемайму Кармишель – она попадала у него под определение «очаровательная молодая девушка», – и капитан опасался, что по мере приближения к тропикам она будет пользоваться все большим вниманием морских офицеров. Еще на одном, тоже подсознательном уровне он размышлял о двух встревоживших его радиограммах. Какого собственно черта, думал Баннерман, он должен принимать на борт так спонтанно некоего детектива в штатском? Он перебирал в уме возможные причины. Безбилетный пассажир? Беглый преступник? А может, кто-то из членов его команды в розыске? А что, если этот полицейский в последнюю минуту получил назначение в Лас-Пальмас? Но почему тогда он не полетел туда

самолетом? А тут еще предстоят эти чертовы хлопоты по его устройству. Если разместить нового пассажира в каюте для офицерского состава, все тотчас сообразят – здесь что-то не так. В четыре часа утра – самое тяжелое время вахты, когда на исходе все жизненные силы, – капитана Баннермана вдруг посетило неприятное предчувствие: предстоящее плавание сложится не самым лучшим образом.

III

Наутро туман все еще висел над Английским каналом. Выйдя из Портсмута, пароход «Мыс Фаруэлл» словно погрузился в небытие.

Пятеро мужчин вышли на палубу с приподнятыми воротниками. Что касалось господ Мэрримена, Макангуса, Кадди и отца Джордана, на всех красовались какие-то невообразимого вида головные уборы, и они расхаживали взад-вперед по шлюпочной палубе или же с безутешным видом сидели на скамьях, на которые, возможно, не присядет до конца путешествия ни один человек. После завтрака мистер Обин Дейл вернулся к себе в каюту. Помимо спальни, у него там была еще и небольшая гостиная. В компании такие каюты называли «люкс». Он пригласил миссис Диллингтон-Блик и доктора Тимоти присоединиться к нему и выпить перед ленчем. В одиннадцать утра миссис Диллингтон-Блик появилась на палубе во всем своем великолении. Не прошло и получаса, как она приняла это приглашение. Доктор Мэйкпис тоже пришел – в надежде, что там будет и Джемайма Кармишель. Но девушка провела все утро, разгуливая по шлюпочной палубе, потом нашла продуваемый всеми ветрами, но укромный уголок под средней надстройкой, сидела там и читала.

Мистер Макангус тоже вышел на палубу, но ненадолго, вскоре вернулся в салон для пассажиров, где, скептически осмотрев книжные полки, уселся в уголок и уснул прямо в кресле. Миссис Кадди также оказалась там и тоже вздремнула. Она слушала малоутешительный прогноз погоды – там предсказывали шторм – и решила принять успокоительное. Мисс Эббот расхаживала по узкой нижней палубе, возможно, чисто инстинктивно выбрав ту часть парохода, куда по утрам почти никто не заглядывает. На плане, который показывали пассажирам, это место называлось «палубой для променада».

Именно Джемайма первой заметила перемену погоды. Тоненький теплый луч упал на страницу книги; она подняла голову и увидела, что пелена тумана поредела и что через нее пробивается слабый солнечный свет. В тот же момент «Мыс Фаруэлл» издал протяжный гудок, а затем Джемайма услышала рокот мотора. Она поднялась, подошла к борту, посмотрела вниз и увидела, что к пароходу подошел катер. Вот он поравнялся со сброшенным сверху веревочным трапом. Высокий мужчина, задрав голову, смотрел с катера на «Фаруэлл». Джемайма всегда весьма критично относилась к мужской одежде, но одобрительно, хоть и рассеянно, кивнула, заметив, как одет этот господин. Матрос у борта сбросил в катер линь, теперь оба судна, большое и маленькое, стояли бок о бок. Катер начал отчаливать, а высокий господин принялся очень ловко карабкаться вверх по веревочному трапу и взошел на борт, где его встретил дежурный офицер и повел прямо на капитанский мостик.

На своем пути он прошел мимо мистера Мэрримена и мистера Кадди. Те оторвались от детективных романов, которые читали, воззрились на пришельца, и обоих посетила одна и та же мысль, тотчас, впрочем, отвергнутая, – что они где-то видели прежде этого человека. Хотя на самом деле они не ошиблись: буквально накануне вечером оба смотрели на сильно искаженный снимок в вечернем выпуске «Геральд Трибьюн». Это был суперинтендант полиции Р. Аллейн.

IV

Капитан Баннерман, сунув руки в карманы кителя, рассматривал своего нового пассажира. С самого начала Аллейн не понравился капитану Баннерману – он не соответствовал его представлениям о детективе в штатском. Мало того, заговорив с ним, капитан, будучи по натуре своей снобом, отметил чертовски вульгарный, по его понятиям, акцент, совершенно не подходящий полицейскому столь высокого ранга. Самому ему с немалым трудом удавалось сохранять мидлендский⁵ акцент.

– Что ж, – протянул он. – Суперинтендант Аллейн, не так ли? Раз уж вы здесь, то, полагаю, должны пояснить, из-за чего весь этот сыр-бор. Буду весьма признателен за информацию.

– А я полагаю, сэр, – сказал Аллейн, – вы до сих пор проклинаете тот день и час, когда получили эти радиogramмы.

– Ну, проклинаю – это слишком сильно сказано.

– Я прекрасно понимаю, сколько хлопот вам доставил. Единственное, что меня извиняет, это крайняя необходимость моего появления здесь. И предельная срочность и важность дела.

Капитан Баннерман, нарочито растягивая гласные, осведомился:

– К при-и-меру?

– К примеру, убийство. Маньяк.

– А-а, вон оно что. Се-е-ри-и-йный убийца? Полагаю, речь идет о том парне, который, по слухам, поет и оставляет цветы?

– Все верно.

– Но причем тут мое судно, черт побери?

– Есть все основания полагать, – сказал Аллейн, – что он находится на борту вашего парохода.

– Не мелите ерунды.

– Да, сколь ни абсурдно это звучит.

Капитан Баннерман вытащил руки из карманов, подошел к иллюминатору, выглянул наружу. Туман окончательно рассеялся, и «Мыс Фаруэлл» шел полным ходом.

– Ну вот, приехали, что называется! – каким-то не своим, сдавленным голосом пробормотал он. – Такого рода команды набирают в нынешние дни. Убийц!

– Мое начальство, – поспешил заметить Аллейн, – не склонно считать, что он член команды.

– Стюарды проплавали на этом пароходе вот уже три сезона.

– И среди них убийцы тоже нет. Ну разве что у одного из стюардов или членов команды оказался на руках посадочный талон.

– Так вы что же, хотите сказать, что преступником является один из пассажиров?

– Ну, на данный момент похоже на то.

– Ясно! – капитан Баннерман снова заговорил своим обычным голосом. – Да вы присядьте. Выпейте чего-нибудь. Я должен был догадаться, что это один из путешественников.

Аллейн сел, но от выпивки отказался – обстоятельство, вызвавшее вполне ожидаемую реакцию у собеседника.

– Ага! – мрачно и с пониманием пробормотал капитан Баннерман. – Ну, конечно, нет. Вы же на службе.

Он так разволновался, что Аллейн счел своим долгом пояснить:

– Кстати, это вовсе не означает, что я собираюсь арестовать вас.

⁵ Мидлендс – центральные графства Англии.

– Не думаю, что вообще можете. Во всяком случае, до тех пор, пока мы в море. Очень сильно в том сомневаюсь.

– К счастью, на данный момент этой проблемы не существует.

– Мне следовало более внимательно ознакомиться с уставом, – вздохнул капитан Баннерман.

– Послушайте, – заметил Аллейн. – Может, я попробую хотя бы вкратце описать всю эту историю, и тогда вы поймете, почему я оказался на борту вашего парохода?

– Именно этого я от вас и жду, разве не так?

– Да, – согласился Аллейн. – Просто уверен. Что ж, начнем.

И он посмотрел на капитана Баннермана, который уселся, сложил руки на коленях, вопросительно приподнял брови и ждал.

– Вы, разумеется, знаете обо всех этих событиях, – начал Аллейн, – поскольку они широко освещались в газетах. За последние тридцать дней вплоть до одиннадцати часов вчерашнего вечера было совершено два убийства, которые мы считаем делом рук одного человека. И которые могут оказаться частью более крупной схемы. В обоих случаях жертвами стали женщины, умерли они от удушения, и каждый раз на теле были оставлены цветы. На данный момент не считаю нужным посвящать вас в другие детали. Прошлой ночью за несколько минут до отплытия парохода было обнаружено тело третьей жертвы. Оно лежало в узком темном проходе между тем местом, где останавливаются автобус и такси, и причалом, возле которого пришвартовано ваше судно. Эта девушка работала в цветочном магазине, ей поручили доставить коробку с гиацинтами одной из ваших пассажирок, а именно – некой миссис Диллингтон-Блик. Ожерелье из искусственного жемчуга было порвано, на теле жертвы разбросаны цветы – словом, убийца действовал в обычной своей манере.

– Ну а пение?

– Что? А, это... На этом моменте пресса просто заиклилась. В самом первом случае пение имело место, это определено. То убийство произошло пятнадцатого, в прошлом месяце. И жертвой, если вы помните, была Берилл Коэн, бродячая торговка с Варвик Роуд, она продавала немного и в других местах. Ее нашли мертвой в постели, в съемной квартире на маленькой улочке за Пэддингтоном. Жилец из комнаты наверху вроде бы слышал, как от нее кто-то выходил, около десяти. И он утверждает, что этот человек что-то напевал.

– Ужас какой-то, – пробормотал капитан Баннерман. – Но что за песню он пел, скажите, ради бога?

– Арию Маргариты с драгоценностями, – ответил Аллейн. – Из оперы «Фауст». Пел альтом.

– А у меня бас-баритон, – рассеянно заметил капитан. – Надо же, арию, – мрачно добавил он.

– Второй жертвой, – продолжил Аллейн, – оказалась почтенная старая дева по имени Маргерит Слэттерс, ее нашли задушенной в доме в районе Фулхэма в ночь на двадцать пятое января. Сторож, охранявший склад поблизости, слышал, как кто-то примерно в это же время напевал «Жимолость и пчела»⁶ высоким таким голосом.

Аллейн умолк, но капитан Баннерман явно ждал продолжения.

– Ну и похоже на то, ваш матрос, дежуривший у трапа вчера, слышал, как кто-то поет в тумане. «Очень странным голосом» – так он выразился. А это может означать что угодно. Или же вовсе ничего. Возможно, какой-то моряк напился, вот и горланил. Мелодия была ему незнакома.

⁶ «Жимолость и пчела» – песня из детской музыкальной пьесы «Колокольчики в волшебной стране», впервые поставлена в Лондоне в 1902 г.

– Ага! Значит, прошлой ночью. Но как вы узнали, что у жертвы... – Тут капитан Баннерман осекся и заметил: – Ладно, не важно. Продолжайте.

– В левой руке она сжимала, очевидно, в предсмертной агонии, обрывок посадочного талона. Ваша компания вручает такие пассажирам при продаже билета. Я полагаю, что к этому талону, очевидно, прикрепляется сам билет, и талон отрывает офицер, принимающий пассажиров на борт. Особой ценности этот документ не имеет, однако многие пассажиры считают, что он дает им какие-то права, вот и сохраняют его. К сожалению, на этом клочке сохранились лишь слово «Фаруэлл» и дата отплытия.

– А имя?

– Имени не было.

– Ну, это мало что дает в данном конкретном случае, – заметил капитан Баннерман.

– Это дает основания предположить, что жертва боролась с убийцей, крепко сжимая в руке бумажку, вот она и порвалась, и вторая половинка могла остаться у преступника, или же ее унесло ветром по причалу.

– Да с тем же успехом весь этот талон целиком могло бы унести ветром, когда жертва выхватила его.

– Да, конечно, такая возможность существовала.

– Всего лишь возможность. А вторую половинку искали?

– Да. Но когда я ранним утром отплывал из Портсмута, мне сообщили, что ничего там не нашли.

– Ну, вот вам, пожалуйста!

– Но если все остальные пассажиры сохранили свои посадочные талоны...

– К чему им они?

– Давайте займемся этим позже, хорошо? Итак, тело было обнаружено констеблем полиции за пять минут до отплытия вашего парохода. Он славный парень, этот констебль, и, похоже, дружит с головой, однако не успел сесть на борт, потому как вы уже отплыли. Когда он говорил со мной по телефону с пристани, то видел трубу вашего судна, она исчезала в тумане. Ну, целая команда наших из Ярда тут же примчалась туда и произвела все необходимые действия. Мы связались с вашей компанией и поняли: они были чертовски озабочены лишь одним: чтобы ваше отплытие произошло по расписанию, без задержки.

– Нарушать расписание нам запрещено! – воскликнул капитан Баннерман.

– Ну и мои боссы пришли к выводу, что у нас нет достаточных оснований возвращать вас назад, в порт, и что полноценное расследование можно провести и на борту.

– Бог ты мой!

– Было решено, что я поплыву вместе с вами и постараюсь по мере возможности сохранить свою цель в тайне.

– Тогда как прикажете понимать, – медленно, и пока не проявляя признаков недовольства, спросил капитан Баннерман, – как прикажете понимать мою роль в этом деле? Я ведь уже знаю вашу тайну! Как с этим быть?

– Что ж, – пожал плечами Аллейн, – надеюсь, мы обойдемся без вашего активного вмешательства, просто уверен в этом. Но если вдруг случится нечто подобное, и я упущу это из вида, в чем лично сильно сомневаюсь, тогда последствия могут оказаться весьма печальны. И на борту у вас окажется еще один труп прежде, чем мы доплывем до следующей стоянки.

Капитан Баннерман всем телом подался вперед, хотя руки по-прежнему лежали на коленях, и лицо его оказалось в нескольких дюймах от лица сыщика. Глаза у него были пронзительно голубые, какие, по мнению обывателей, и должны быть у моряка, а физиономия налилась густой кирпично-красной краской румянца.

– Вы что же, хотите сказать, – свистящим от ярости шепотом начал он, – что позволите этому типу совершить убийство на моем корабле?

– Пока, – заметил Аллейн, – он убивает с интервалами в десять дней. А стало быть, произойдет это где-то на полпути между Лас-Пальмас и Кейптауном, правильно?

– Я отказываюсь в это верить. Я не думаю, что он у меня на борту.

– Не верите?

– Что он за человек? Поведайте мне.

– Лучше уж вы мне расскажете, – заметил Аллейн. – И весьма вероятно окажетесь правы.

– Я?!

– Вы или кто-то другой. У вас тут курят?

– Тут... – капитан потянулся за шкатулкой, – трубка. Если не возражаете, конечно. – Аллейн достал трубку и принялся набивать ее табаком.

– Подобные случаи, – заговорил он, – расследовать с точки зрения полиции сложнее всего. Мы можем поймать картежного шулера, мошенника, вора карманника, стрелка из ружья или пистолета, да целую дюжину других плохих парней, потому как они сами выдают себя своим поведением или манерами. У них вырабатываются вполне определенные привычки, да и якшаются они обычно с себе подобными. Но здесь совсем другой типаж. Начнем с того, что он никогда прежде не попадал в поле зрения полиции, почти наверняка ведет скромный образ жизни, но притом душит женщин с интервалом в десять дней и оставляет цветы на телах своих жертв. С таким типом должны разбираться психиатры, если он, конечно, к ним попадет, но маньяки предпочитают обходиться без них. Он, своего рода, классический пример. Вот только чего именно? Результат плохих домашних условий в детстве, жертва слишком властной матери или жестокого учителя, получил травму головы во время игры в футбол, жил с бабушкой и дедушкой, которые во всем ему потворствовали? Да причин сколько угодно. Он есть. Он существует. Во всех случаях поведение его просто безупречно, за исключением этих историй, разумеется. Вполне возможно, а такое часто случается, что это маленький незаметный человечек бесцветной внешности, законопослушный во всех других отношениях гражданин лет пятидесяти с хвостиком. И каждый день ведет себя вполне нормально, а потом вдруг выходит из своей норки и становится убийцей. Возможно, его поведение отличается определенной эксцентричностью, но он тщательно это скрывает. А потом вдруг срывается, становится неадекватным. Он получает некий внутренний посыл, который подводит его к совершению преступления. И тогда с виду нормальный человек превращается в монстра.

– Вон оно как, – заметил капитан Баннерман. – В монстра, значит. И это чудовище, как вы полагаете, скрывается среди вполне нормальных людей. Что ж, теоретически вы, наверное, правы. Нет, где угодно, только не на моем корабле.

Мужчины переглянулись, и сердце у Аллейна упало. Он умел отличать упряма от любого нормального человека.

Судно меж тем шло полным ходом и придерживалось запланированного курса. Туман рассеялся уже окончательно, словно его и не было вовсе, впереди простиралась бескрайняя залитая солнечными лучами морская гладь. Пароход шел вперед, оставляя белоснежный пенный след, двигатели работали ритмично и мощно. Англия осталась позади, «Мыс Фаруэлл» держал курс на Лас-Пальмас.

V

– Чего именно вы от меня хотите? – спросил капитан Баннерман. – Вся эта история кажется мне странной и почти что неправдоподобной, но я готов выслушать и учесть ваши пожелания. Думаю, яснее и честнее выразиться невозможно, не так ли? Так что валяйте, выкладывайте.

– Нет, – согласился с ним Аллейн, – честнее, конечно, невозможно. Это самое большое, на что я мог рассчитывать. Но первым делом, наверное, я должен объяснить, чего вам не следует делать. Никто на корабле не должен знать, кто я такой и зачем сел на борт.

– И какова же легенда?

– Насколько я понимаю, должность суперкарго⁷ уже вышла из моды, так что им я притворяться не буду. Может, подойдет роль представителя компании, которого перевели на работу в Дурбан?

Капитан Баннерман окинул его критическим взглядом и заметил:

– Я бы выбрал должность повыше.

– Почему? Из-за моего возраста?

– Возраст тут не причем. И внешность тоже. И, так сказать, общее впечатление, – добавил капитан Баннерман.

– Боюсь, я не совсем пони...

– Да и на больного вы тоже не похожи. В предыдущем рейсе мы взяли на борт троюродного брата исполнительного директора компании. Он перенес приступ белой горячки, ну и должен был пойти на поправку после курса лечения. Вы ничуть на него не похожи. Да и на детектива тоже, если уж на то пошло, – с некоторым осуждением в голосе добавил капитан.

– Вы уж извините.

– В технике разбираетесь?

– Не идеально.

– Ладно, – сказал капитан Баннерман, – предоставьте это мне. Вы кузен председателя и направляетесь в Канберру через Дурбан с какой-то там дипломатической миссией. Чем только не занимаются наши люди в Канберре! Да вы просто не поверите, если узнаете!

– Неужели?

– Это факт.

– Что ж, неплохой вариант. А кто он, этот ваш председатель?

– Сэр Грэм Хармонд.

– Такой маленький толстяк с выпученными глазками, да к тому же еще и заика?

– Ну, – протянул капитан Баннерман, не сводя глаз с Аллейна, – можно и так сказать.

– Так я его знаю.

– Быть того не может!

– Этот вариант подойдет.

– Еще бы!

– Я предпочел бы назваться не своим именем. Обо мне писали в газетах. Как насчет С. Дж. Родерик?

– Родерик?

– Просто мое имя Родерик, но об этом в прессе ни разу не упоминалось. Когда пользуешься вымышленным именем или фамилией, желательно, чтобы они были похожи на твои настоящие. Ну или напоминали имя, к которому ты привык. – Аллейн призадумался на секунду-другую. – Нет, не пойдет, – заметил он. – Давайте обезопасимся. Пусть я буду мистер Бродерик.

– А это не ваш снимок напечатан во вчерашнем выпуске «Геральд Трибьюн»?

– Неужели? Черт...

– Погодите-ка.

Капитан зашел в свою каюту и вынес оттуда газету, так заинтриговавшую мистера Кадди. И развернул ее на той странице, где красовался снимок «пикантной Беррил Коэн, а также суперинтенданта Р. Аллейна (см. сноску)».

⁷ Суперкарго – представитель фрахтователя на таймчартерном судне.

- Считаете, здесь я похож сам на себя? – спросил тот.
- Ни чуточки.
- Вот и славно.
- Ну, если и есть сходство, то весьма отдаленное. Тут вроде и губы у вас потолще.
- Верно.
- Понимаю, – нерешительно протянул капитан Баннерман.
- Думаю, рискнуть все же стоит.
- Полагаю, вы будете держаться обособленно?
- Напротив. Хочу по возможности смешаться с остальными пассажирами.
- Это еще зачем?

Аллейн выдержал паузу, затем спросил:

- Скажите, у вас хорошая память на даты?
- Даты?..

– Ну, можете вы, к примеру, обеспечить себе железобетонное алиби плюс еще свидетеля на пятнадцатое число прошлого месяца между десятью и одиннадцатью часами вечера, затем на двадцать пятое января с девяти вечера до полуночи? Ну и, наконец, на вчерашнюю ночь за полчаса до отплытия?

Капитан Баннерман взволнованно запыхтел, что-то пробормотал себе под нос, а затем ответил:

- Думаю, что не на все три.
- Ну, вот вам, пожалуйста. Сами понимаете.

Капитан Баннерман снял очки и снова приблизил покрасневшую физиономию к лицу Аллейна.

- Я похож на сексуального маньяка? – яростно прошипел он.
- Не того спрашиваете, – миролюбиво откликнулся Аллейн. – Я понятия не имею, как они выглядят. В том-то и проблема. Пытаюсь вам втолковать, но вижу, не получилось.

Поскольку капитану Баннерману нечего было на это ответить, Аллейн продолжил:

– Я должен проверить, где в этот промежуток времени находились все ваши пассажиры и, пожалуйста, поймите меня правильно, вы сами, сэр. Остается только надеяться, что все вышеупомянутые лица смогут предоставить твердое стопроцентное алиби. И вы в том числе.

– Послушайте! А ведь я могу отчитаться за пятнадцатое. Мы бросили якорь в Ливерпуле, и я пробыл на борту с посетителями до двух часов ночи.

- Если представите тому доказательства, не стану арестовывать вас за убийство.

Капитан Баннерман многозначительно произнес:

- Все же вы избрали довольно странный стиль общения с командиром судна.
- Я хотел сказать только это, ничего более и без всяких задних мыслей. И потом, ведь не вы, наверное, поднимаетесь на борт своего корабля, зажав в руке посадочный талон.
- Как правило, нет, – отозвался капитан Баннерман. – Такого за мной не водится.

Аллейн поднялся.

– Я понимаю, – начал он, – какие проблемы создал вам, появившись на борту судна, и искренне о том сожалею. Постараюсь держаться тихо и незаметно, как мышка.

– Готов побиться об заклад, поставить на кон что угодно! Но этот человек с нами не плывет. Такого быть не может! Ясно вам?

– Если бы мы были в том абсолютно уверены, то не стали бы чинить вам все эти неудобства.

- Все это какая-то ужасная ошибка!
- Возможно.
- Что ж, – ворчливо произнес капитан Баннерман, поднимаясь на ноги. – Полагаю, все же придется смириться с этой ситуацией. Вы, наверное, хотите видеть свою каюту. Есть одна

свободная для офицерского состава. На капитанском мостике. Можем поселить вас там, если, конечно, устраивает.

Аллейн ответил, что устраивает как нельзя лучше. – И еще желательно, чтобы ко мне относились как к обычному пассажиру.

– Я скажу старшему стюарду. – Капитан подошел к письменному столу, уселся за него, взял листок бумаги и принялся писать, бормоча себе под нос:

– Мистер С. Дж. Бродерик, родственник председателя, отправляется в Канберру работать в Министерстве по делам Содружества. Все правильно?

– Так точно. Думаю, не стоит напоминать, что вы должны сохранять абсолютную секретность.

– Не стоит. У меня нет ни малейшего желания выставить себя полным идиотом, вести с кем-либо на корабле все эти абсолютно дурацкие разговоры.

Ветер крепчал, задувал в иллюминатор. Только что написанную бумагу капитан называл меморандумом. Он перевернул листок и проставил на нем номер пассажирского посадочного талона на судно «Мыс Фаруэлл».

Затем, пристально глядя прямо в глаза Аллейну, капитан проговорил:

– Я зарегистрировал его вчера, в конторе. Так что помните. – Он нервно усмехнулся. – И посадочный талон не порван.

– Нет, – сказал Аллейн. – Я это заметил.

Тут вдруг ожил корабельный гонг. Он мелодично возвещал о том, что сейчас на борту «Мыса Фаруэлл» состоится первый ленч.

Глава 4

Гиацинты

I

Проследив за тем, как Аллейн карабкается по веревочному трапу на борт, Джемайма Кармишель вернулась в свой укромный уголок на палубе под надстройкой и снова взялась за книжку.

Все утро она пребывала словно в трансе, ей больше не хотелось плакать или думать о разорванной помолвке и сценах, которые ее сопровождали. Не хотелось думать о том, как она несчастна. Чем дальше уходил пароход от берега, тем на большую дистанцию отдалялись от нее все эти душевные муки и переживания, которые довелось испытать ночью, пока пароход плыл по Темзе, а затем – и по Английскому каналу. Она расхаживала по палубе до тех пор, пока не устала, ощущала на губах привкус соли, слышала, как перекликаются между собой чайки, наблюдала за тем, как они то выныривают из тумана, то таинственным образом исчезают в нем. И вот теперь на солнышке на нее навалилась дремота.

Открыв глаза, она увидела неподалеку от себя доктора Тимоти Мэйкписа, он стоял, облокотившись о перила, к ней спиной. Джемайма отметила красивый затылок и изящный изгиб шеи, на которую падают аккуратно подстриженные каштановые волосы. Тимоти что-то тихонько насвистывал себе под нос. Джемайма, все еще пребывающая в странном состоянии транса, бездумно разглядывала его. Наверное, он почувствовал на себе ее взгляд. Обернулся и улыбнулся.

– Вы в порядке? – спросил он. – Не страдаете морской болезнью?

– О нет, ничего такого. Просто почему-то хочется спать.

– Полагаю, виной тому море. Говорят, будто оно оказывает подобное воздействие на некоторых людей. Вы видели, как тут недавно отчалил катер и на борт поднялся какой-то красивый темноволосый незнакомец?

– Да, видела. Наверное, опоздал вчера на пароход, как думаете?

– Понятия не имею. Вы идете на выпивку у Обина Дейла перед ленчем?

– Нет.

– А я думал, вы там будете. Вы с ним еще не познакомились? – Похоже, Тимоти не ожидал ответа на этот вопрос, просто подошел поближе и покосился на обложку книги, которую держала Джемайма.

– «Елизаветинские стихи»? – произнес он. – Вижу, вы не презираете антологии. Ну и кто же ваш любимчик? Не считая Барда, разумеется?

– Ну, наверное, все же Майкл Дрейтон. Ведь это он написал: «Поскольку помощи неоткуда ждать».

– А я всякий раз за Барда. – Он взял книгу из ее рук, открыл наугад и начал цитировать:

– «О да, о да, любая из девиц,

Обманутая Купидоном злобным,

Насмешником... не видящим ни лиц...» – прочел он вслух.

– А ведь здорово сказано, верно? Насмешник злобный Купидон. Нет, стихи просто замечательные. А вы... хотя нет, – начал было Мэйкпис, но тут же осекся. – Сейчас я делаю то, что твердо зарекся не делать.

– Что же именно? – поинтересовалась Джемайма, без особого впрочем любопытства.

– Ну, уделять вам особое внимание.

- Типично эдвардианское выражение.
- Но от этого оно ведь не хуже!
- Вам, наверное, уже пора на сборище у Дейла?
- Наверное, – уныло согласился он. – Хотя я и не сторонник выпивки среди бела дня. И уж совсем не принадлежу к числу поклонников мистера Обина Дейла.
- О...
- Но, думаю, все же стоит познакомиться с человеком, который этим поклонником является.
- Все так его ревнуют, – небрежным тоном заметила Джемайма.
- Возможно, вы правы. Еще одна веская причина не любить этого типа. Величайшей ошибкой было бы считать ревность недостатком или даже виной. Напротив, ревность во многих случаях обостряет ощущения.
- Что не помешало Отелло совершить роковую ошибку!
- Но так оно и есть. Ведь то была его *интерпретация* увиденного, вот в чем состояла его ошибка. Он *увидел*, и вслед за этим ощущения его обострились до крайности.
- Знаете, я не согласна.
- Из чистого упрямства.
- Нет, послушайте! – воскликнула Джемайма, впервые за все время проявив искреннюю заинтересованность к своему собеседнику.
- Он видел, как Кассио продельывает какие-то мудреные венецианские манипуляции над рукой Дездемоны. Он видел это еще раз, испортив страничку в своих записях. Он с патологически обостренной наблюдательностью отмечал все знаки внимания, которые оказывает Кассио его жене.
- Что ж, – философски заметила Джемайма, – если вы со столь же патологически обостренной наблюдательностью будете отмечать все знаки внимания, которые Обин Дейл оказывает своим поклонницам женского пола, сколько бы их там ни было, то мне вас просто жаль.
- Ладно, умница! – добродушно заметил Тим. – Вы победили.
- Ведь в конечном счете только интерпретация – вот что важно.
- Но само по себе восприятие представляет огромную ценность. Строго научные исследования показали, что последовательное наложение одного отмеченного факта на другой...
- И что если следовать строго научной интерпретации, все они свалются в один огромный ком и получится полная ерунда.
- Ну зачем же вы так? – с почти нежным упреком заметил он. – Это вы говорите сейчас полную ерунду!
- Ну, знаете ли!
- Ладно, теперь что касается Обина Дейла. Как вам его большая ТВ-программа «Упакуй свои беды в старый мешок»? Иными словами: «Приходи ко мне всяк и каждый, у кого болит живот, и я выставлю вас перед публикой, да еще и заплачу за это!» Будь я человеком религиозным, то назвал бы это богохульством.
- Я не говорила, что мне нравятся эти его программы...
- И тем не менее он изумительно ловко валяет дурака и порой очень остроумен. Но достаточно вспомнить его репортаж со знаменитой выставки цветов в Молтон Медбери...
- Я так толком и не поняла, что же там произошло.
- Очевидно, он был пьян в стельку. Отправился со своими телеоператорами на цветочное шоу в Молтон Медбери, главной героиней которого была пожилая леди по имени Агата Пэнтинг. Судя по всему, напился он еще до съемок, и когда заговорил в камеру, то заявил, что главный приз присуждается леди Агате за умбеликус⁸ глобальный. Он хотел сказать, – пояснил

⁸ Умбеликус – от латинского «пупок».

Тимоти, – за Агапантус Умбеллатус Глобосус⁹. И это его просто добило, потому как постыдную оговорку повторяли затем в разных кругах, и время от времени у него стали возникать рецидивы так называемого «спунеризма»¹⁰. Это продолжалось неделями. Буквально на днях он освещал открытие выставки гиацинтов и сказал, что для успешного их выращивания надо использовать «базу из дерьма».

– О нет! Бедняга. Так опозориться, это надо уметь.

– И вот он сбрил эту свою отвратительную маленькую бородку и предпринял, как мне кажется, долгое морское путешествие, чтобы забыть об этом позоре. Он, как говорится, в плохой форме, так я полагаю.

– Уверены? Что у докторов означает в «плохой форме»?

– Невроз, – коротко ответил Тимоти. – Одна из разновидностей невроза.

Тут мелодично зазвонил гонг на капитанском мостике.

– Бог ты мой, уже сзывают на ленч! – воскликнул Тимоти.

– Как же будете оправдываться перед хозяином вечерники?

– Скажу, что у меня был срочный вызов к кочегару. Но лучше все же заглянуть, хотя бы на минутку. Простите, я, наверное, страшно вам надоел. Ну, до свиданья, – и с этими словами Тим поспешно удалился.

Зашагал по палубе быстро и не оглядываясь.

И тут, к своему удивлению и даже некоторому отвращению, Джемайма вдруг почувствовала, что страшно проголодалась.

II

Компания «Кейп» занималась в основном грузоперевозками. Тот факт, что на каждом из шести принадлежавших ей судах могли получить приют по девять пассажиров, никоим образом не влиял на основные функции компании. Имелся на борту и старший стюард, и специальный стюард, заведующий баром, и некое безымянное существо, приходившее прибраться в пассажирских каютах. Его можно было обнаружить в самый неожиданный момент дрящим кран в раковине или душевой. Размещение, обустройство, кормление и в ограниченных пределах развлечение девяти пассажиров – все это определялось в головном офисе компании и являлось частью многочисленных забот капитана судна.

Вообще-то капитан Баннерман предпочитал не брать на борт пассажиров, всегда считал их потенциальным источником разного рода неприятностей. Однако когда на борту его парохода появлялся кто-то калибра миссис Диллингтон-Блик, его реакция в точности соответствовала поведению девяноста процентов мужчин, в поле зрения которых возникала эта дамочка. Он распорядился, чтобы ее посадили за его стол (что, к счастью, не являлось нарушением, поскольку при первом же взгляде на эту даму становилось ясно, что она персоне из разряда ВИП), и до появления Аллейна с живейшим нетерпением предвкушал приятное общение с ней, хотя бы за трапезами. Сам он считал, что выглядит куда моложе своих лет.

Обиная Дейла он тоже посадил за свой стол, поскольку Дейл был знаменитостью, и капитан Баннерман надеялся, что миссис Диллингтон-Блик оценит соседство со знаменитостью номер один. Теперь же он мучительно размышлял над тем, будет ли Аллейн достойным дополнением к этой компании за столом. Разместить остальных пассажиров он поручил старшему стюарду, и тот усадил чету Кадди и мистера Дональда Макангуса за стол первого помощника, которого недолюбливал; Джемайму Кармишель и доктора Мэйкписа – за стол ко второму помощнику, добавив в компанию к ним судового радиста, которому симпатизировал. Ну и наконец, мисс

⁹ Агапантус – зонтичный, цветок, его еще называют африканской лилией.

¹⁰ Спунеризм – произвольная перестановка звуков.

Эббот, отец Джордан и мистер Мэрримен заняли места рядом с главным механиком, к которому стюард относился вполне нейтрально.

Таким образом, первый ленч на борту стал также первым случаем, когда за столами рядом со старшими офицерами – за исключением тех, кто находился на дежурстве – разместились пассажиры. В углу стоял еще один длинный стол, за ним сидели молодые люди, с разницей в возрасте в несколько лет, и все смотрели как-то застенчиво. То были младшие офицеры, электрики и механики, а также курсанты.

Аллейн подошел к своему столу первым, ему вежливо отодвинул стул старший стюард. Супруги Кадди, уже занявшие свои места, с интересом воззрились на новоприбывшего, и мистер Макангус тоже. Пожираемая любопытством миссис Кадди, ничуть не стесняясь, так и сверлила Аллейна взглядом, просто не сводила с него глаз. Механика этого взгляда была сравнима разве что с маяком, который с разной частотой посылает свои световые сигналы в море.

Мистер Кадди, напротив, старался скрыть свое любопытство под рассеянной улыбкой, а мистер Макангус закатил глаза и лишь украдкой поглядывал на своего соседа, стараясь не поворачивать головы.

Мисс Эббот, сидевшая за столиком главного механика, бросила на Аллейна всего один острый взгляд и больше не смотрела. Мистер Мэрримен взъерошил волосы, широко раскрыл глаза, а затем с преувеличенным интересом стал разглядывать меню. Отец Джордан вежливо покосился на Аллейна, потом с приятной улыбкой обернулся к своим компаньонам.

В этот момент в кают-компанию вплыла миссис Диллингтон-Блик во всем своем женственном великолепии. Следом за ней шествовали капитан, Обин Дейл и Тимоти Мэйкпис.

Капитан представил Аллейна:

– Знакомьтесь, мистер Бродерик, присоединился к нам только сегодня...

Мужчины обменялись приветствиями. Миссис Диллингтон-Блик, считавшая себя истинной душой и украшением компании, будто излучала сияние. Все вокруг нее всегда расцветало пышным цветом. «Веселье, – казалось, говорила она про себя. – Радость и веселье, вот в чем я поистине сильна. Так постараемся же вместе как следует повеселиться!»

Аллейн так и купался в ее внимании. Глаза ее сияли, губы влажно блестели, изящные пальчики трепетали, оглаживая рубенсовские плечи.

– Но я *видела* вас! – воскликнула она. – Стояла и смотрела, затаив дыхание! Видела, как вы поднимались на борт, цепляясь за эту ужасную штуку! Скажите мне, только честно! Вам было очень страшно, или я просто дурочка?

– Чертовски страшно, – ответил Аллейн, – и никакая вы не дурочка. Да я весь дрожал с головы до пят.

Миссис Диллингтон-Блик разразилась звонким смехом. Она играла бровями, глядя на Аллейна, аплодировала капитану.

– Ну, вот вам, пожалуйста! – воскликнула она. – Так я и думала. Да как вы только посмели? Если бы передо мной стоял выбор – кормить собой этих маленьких рыбок или карабкаться по ужасной лестнице, я бы предпочла прыгнуть прямо в пасть акуле. И нечего тут важничать, – упрекнула она капитана Баннермана.

Именно на такого рода застольный разговор он и надеялся. Красивая женщина подшучивает над всеми. Имеет полное право. И, несмотря на массу свалившихся на него хлопот, он гордо выпятил грудь, обтянутую униформой.

– Вижу, вы у нас стреляный воробей, – начал поддразнивать он ее. – Так что спустим вас на берег именно таким образом, когда прибудем в Лас-Пальмас. – Обин Дейл с усмешкой смотрел на Аллейна, тот шутливо подмигнул ему. Миссис Диллингтон-Блик сразу начала пользоваться огромным успехом. Еще бы, трое мужчин, один из них знаменитость, двое других хороши собой, и все явно заигрывают с ней. Лас-Пальмас? О чем это вы?.. Неужели она должна?.. О нет! Она им не верит!

Целый ряд образов в стиле рококо, гонящихся друг за другом, пронесся в воображении Аллейна.

– Не стоит придавать этому значения, – заметил он ей. – Вы прекрасно справитесь, просто уверен. Насколько я понимаю, если море бурное, они помещают внизу большую спасательную сеть. Ну, знаете, как в цирке, когда воздушные гимнасты исполняют какой-нибудь опасный номер. Если вдруг сорвутся...

– Даже слышать не желаю!

– Такое уж правило, я вас не обманываю, – добавил Аллейн. – Я прав, сэр?

– Разумеется.

– Нет, это неправда! Мистер Дейл, да они просто издеваются надо мной!

– Я на вашей стороне, – сказал Дейл. То была фраза, которую он часто использовал в телерепортажах, ободряя робких участников. Он уже говорил с миссис Диллингтон-Блик как с давней знакомой, и одновременно – с оттенком почтения, что было характерно для его программ. И это вызывало у Аллейна и у восьмидесяти процентов присутствующих здесь мужчин тайное желание дать ему хорошего пинка под зад.

За капитанским столом много смеялись. Миссис Кадди смотрела в ту сторону так пристально, что один раз едва не пронесла ложку мимо рта.

В пассажиров вселилось некоторое беспокойство, ощущение, что они обделены вниманием, а у двух женщин это вызвало даже отвращение. Мисс Эббот злилась на миссис Диллингтон-Блик за то, что та дурачит трех мужчин. Миссис Кадди обижалась на нее же за то, что эти мужчины превратились из-за нее в полных идиотов. Мало того, ей не нравилась широкая улыбка мистера Кадди, возникавшая всякий раз, когда тот поглядывал на миссис Диллингтон-Блик. Джемайма Кармишель лишь дивилась тому, что миссис Диллингтон-Блик пользуется таким успехом, а затем принялась обманывать саму себя: да этот новый пассажир, думала она, способен вскружить голову любой девушке. Потом она заметила, что мистер Мэйкпис то и дело поглядывает на нее, и, к крайнему своему раздражению, залилась краской. На протяжении почти всего ленча она вела светские разговоры со вторым помощником, застенчивым молодым человеком родом из Уэльса, и с радистом, мужчиной довольно диковатым и немногословным, что обычно присуще людям его профессии.

После завтрака Аллейн пошел посмотреть свое временное пристанище. Дверь и иллюминатор каюты для офицеров выходили на капитанский мостик. Он смотрел сверху вниз и видел, как нос корабля, точно стрела, разрезает волны; впереди, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя серповидная гладь. В других обстоятельствах он мог бы насладиться этим путешествием. Аллейн распаковал чемоданы, подмигнул жене на снимке, затем спустился вниз и быстро осмотрел пассажирский отсек. Он находился на том же уровне, что и кают-компания: коридор, куда выходили двери кают, тянулся от левого до правого борта. Все двери были закрыты, за исключением одной, в кормовой части. Она была распахнута настежь: заглянув в каюту, Аллейн увидел, что она буквально набита цветами. Здесь же он обнаружил Дениса, тот с задумчивым и несколько растерянным видом посасывал палец. Аллейн сразу понял, что Денис, которого он видел в первый раз, наверняка может стать очень важным источником информации. Аллейн остановился у двери.

– Добрый день, – сказал он. – Вы стюард, который обслуживает каюту на мостике?

Очевидно, Денис уже слышал об Аллейне. Он поспешил к двери, одарил незнакомца приятной улыбкой и сказал:

– Обычно нет, но рад и счастлив быть вам полезен, мистер Бродерик.

Аллейн дал ему на чай пять фунтов. Денис смутился:

– О, что вы, сэр, не стоило бы, – и тут же сунул купюру в карман. Потом указал на цветы и заметил:

– Никак не могу решить, сэр. Миссис Диллингтон-Блик сказала, что часть этих цветов я должен отнести в столовую и в салон, ну, после того, как закончу дела в баре, но я не знаю, какие лучше. Такое богатство и разнообразие! А что бы вы выбрали для салона, сэр? Декор там в темно-розовых тонах.

Аллейн так долго не отвечал, что Денис тихо хихикнул.

– Да, сами видите, это вам не фунт изюма! – сочувственно произнес он.

Аллейн вытянул указательный палец.

– Эти, – сказал он. – Я бы определенно выбрал эти, – повторил он, развернулся и двинулся по коридору в другое помещение.

III

То была скромная комбинация бара, курилки и комнаты для игры в карты, здесь же пассажиры обычно пили кофе. Движимые загадочным механизмом, отвечающим за симпатии и антипатии, они уже начали сколачиваться в группы. Мистер Макангус оказался за ленчем рядом с четой Кадди, сейчас они снова льнули к нему, но ему было несколько не по себе в этой компании, возможно, потому, что миссис Кадди как-то слишком уж пристально разглядывала его прическу. Аллейн заметил, что волосы у Макангуса какого-то неестественного каштанового цвета, без пробора и, пожалуй, слишком уж отросли сзади. Он достал из кармана пачку сигарет с травяной начинкой, закурил и объяснил присутствующим, что страдает от астмы. Ну и тут же завязался оживленный разговор о болезнях. И мистер Макангус признался, что недавно перенес операцию, а мистер Кадди развил тему и принялся с энтузиазмом перечислять симптомы язвы двенадцатиперстной кишки, которую у него подозревали.

Отец Джордан и мистер Мэрримен вдруг выяснили, что питают пристрастие к детективным романам, и радостно улыбались друг другу за чашками кофе. Из всех мужчин-пассажиров, решил Аллейн, именно отец Джордан обладал наиболее выразительной внешностью. И призадумался над тем, что же заставило этого человека стать англо-католическим священником и дать обет безбрачия. Умное и такое живое лицо было отмечено бледностью, вызванной, несомненно, образом жизни, но бледность эта скорее подчеркивала, а не скрывала чувственность рта и выразительность цепких темных глаз. Короткие мускулистые белые руки, волосы густые и блестящие. Он казался куда энергичнее и активнее своего компаньона, чье по-детски капризное лицо, как решил Аллейн, является лишь защитной маской самого обычного школьного учителя. Впрочем, он тотчас одернул себя. Такого уж обычного? Неужели мистер Мэрримен, этот законченный педант, культивирует в себе эксцентрику? Вот решил совершить морское путешествие, чтобы хоть как-то компенсировать сметную скуку схоластической рутины. Эдакий дон *manqué*¹¹? Аллейн тут же призвал себя проявлять больше снисходительности, не пускаться в абстрактные умозаключения и продолжать наблюдение за остальными.

Доктор Тимоти Мэйкпис стоял, склонившись над Джемаймой Кармишель в довольно нелепой позе молодого англичанина на ранней стадии влюбленности. Аллейн отметил решительные очертания рта и подбородка доктора Мэйкписа и еще, поскольку его прежде всего интересовали руки, – удивительно длинные пальцы судового врача.

Мисс Эббот сидела в одиночестве на кушетке у стены. Она читала. Руки, державшие аккуратно обернутую книжку, были крупные, мускулистые. Лицо, подумал Аллейн, нельзя было бы назвать совсем уж некрасивым, будь оно более подвижным. И еще если бы не эта – как же лучше выразиться? – грубоватость в очертаниях подбородка.

Что касается Обина Дейла, то и он тоже был здесь, сидел рядом с миссис Диллингтон-Блик у стойки маленького бара. Увидев Аллейна, игриво поманила его к себе. Она труди-

¹¹ *manqué* – неудачник (фр.).

лась над созданием своей группы, объединенной общими интересами. Подойдя, Аллейн увидел, что Обин Дейл положил свою крупную, безупречно ухоженную руку поверх ее ручки и разразился звонким заразительным смехом.

– Вы совершенно удивительное существо! – как-то по-мальчишески воскликнул он и обернулся к Аллейну. – Ну, признайтесь, разве она не чудо?

Аллейн тут же согласился и заказал всем троим выпивку.

– Вы просто сняли эти слова у меня с языка, приятель! – воскликнул Дейл.

– Но мне нельзя! – запротестовала миссис Диллингтон-Блик. – Я сижу просто на *инквизиторской* диете! – Она опустила глаза, покосилась на своего кавалера, потом посмотрела на Аллейна и приподняла бровки. – Мой дорогой! Ну вы же сами видите. Я просто не должна пить, вот и все.

– И тем не менее собираетесь, – заметил Аллейн.

Тут вездесущий Денис возник за стойкой и подал всем напитки. Миссис Диллингтон-Блик, многозначительно взглянув на Дейла, сказала, что если она наберет хотя бы еще одну унцию, то ни за что не влезет в фирменный купальник от Джолиона. И они принялись обсуждать знаменитое рекламное шоу на коммерческом телевидении. Выяснилось, что, когда Дейл ездил в Америку, спонсор поставил ему условие провести это получасовое шоу. И там он был окружен целой толпой совершенно шикарных девушек-манекенщиц, одетых в купальники от Джолиона. Дейл выразительно водил руками в воздухе, описывая их изгибы. Потом наклонился к миссис Диллингтон-Блик и что-то зашептал ей на ушко. Аллейн заметил небольшие припухлости у него под глазами и отвислую складку кожи под маленьким подбородком – очевидно, этот недостаток внешности прежде скрывала борода. «Неужели это невзрачное лицо, – спросил себя Аллейн, – могло собрать вокруг себя тысячи красоток с крутыми бедрами?» Оставалось лишь недоумевать, как такое могло случиться.

– Ты про цветы не забыл? – спросила миссис Диллингтон-Блик Дениса, и тот заверил ее, что нет, не забыл.

– Как только выдастся свободная минутка, сбегая и принесу их, – пообещал стюард и улыбнулся Аллейну. – Все выбрал и подготовил.

Поскольку беседа Обина Дейла с миссис Диллингтон-Блик принимала все более конфиденциальный характер, Аллейн решил оставить парочку в покое. В дальнем углу салона мистер Мэрримен возбужденно говорил что-то отцу Джордану, а тот становился все мрачнее. Поймав на себе взгляд Аллейна, он приветствовал его вежливым кивком. Аллейн потоптался возле супругов Кадди и мистера Макангуса, затем прошел мимо мисс Эббот. Он увидел свободную кушетку в дальнем углу и устремился к ней, но тут его остановил отец Джордан. – Не желаете присоединиться к нам, сэр? Здесь в креслах куда как удобнее, заодно и познакомимся поближе.

– Буду рад, – отозвался Аллейн, и знакомство состоялось. Мистер Мэрримен настороженно взглянул на него поверх очков и сказал:

– Как поживаете, сэр? – А затем вдруг заметил: – Насколько я понимаю, вы бежали, поскольку ситуация стала просто невыносимо мучительной, так?

– Я? – удивился Аллейн. – Но я не совсем по...

– Один лишь вид, – перебил его мистер Мэрримен довольно громким голосом, – один вид этого клоуна, распускающего перья у барной стойки, вызывает у меня крайнее отвращение. Несомненно, и у вас тоже.

– Ну, зачем вы так? Не стоит, – возразил отец Джордан.

– Не будем слишком к нему строги, – добавил Аллейн.

– Вы, конечно, знаете, кто он такой.

– Да, разумеется.

– Да, да, – закивал отец Джордан. – Знаем. Тише!

– Вы когда-нибудь смотрели его совершенно непристойные еженедельные выпуски по телевизору?

– Я не слишком большой поклонник телевидения, – сказал Аллейн.

– Что ж. Поступаете мудро. А что остается мне, плохо оплачиваемому педагогу, как ни сидеть перед экраном телевизора вечерами по вторникам, наряду с другими представителями среднего класса с низким интеллектом, и «пялиться» (что за ужасное выражение!) на ужимки этого человека? Позвольте рассказать, сэр, что он там вытворяет. Он рекламирует дамские купальные принадлежности, а в другой программе подстрекает – ничтоже сумняшеся – подстрекает наших граждан делиться с ним своими проблемами и горестями! И идиоты делятся! Находятся такие! – Мистер Мэрримен распалился уже не на шутку. – Нет, вы только представьте! Всегда находится какой-нибудь простофиля. А он, наш герой, как правило, вне фокуса и почти неузнаваем. Смотрит на этого типа и нас сверху вниз и, вдохновляемый своим богохульством (надеюсь, что в обществе священнослужителя я правильно использую именно этот термин), богохульно смеет воображать себя существом высшего порядка! Кажет нам не свой истинный лик, но низменную личину, приукрашенную прежде лохматой бородашкой, и все в его словах и манерах ложь и фальшь!

Аллейн с улыбкой покосился на мистера Мэрримена, а потом с сожалением подумал, что сам не наделен талантом столь красноречиво и язвительно высказывать свое отвращение к чему бы то ни было. Больше всего в этот момент Мэрримен походил на рассерженного ребенка.

– Можете мне поверить, – злобным шепотком продолжил учитель, – сейчас в моду входит этот чудовищный процесс, который называют «выговориться». Испытуемый рассказывает Этому Типу о самых интимных подробностях и трудностях в ее жизни (как правило, подчеркиваю, это женщина). Затем он все обсуждает, делает вывод, его благодарят, ему аплодируют, он весь так и раздувается от собственной значимости. Ну а потом перед ним предстает новая жертва. Вот так! Ну, что вы думаете обо всем этом?

– Думаю, выглядит весьма сомнительно, – ответил Аллейн.

Отец Джордан покосился на него и комически изобразил отчаяние.

– Давайте сменим тему, – предложил он. – Вы, мистер Мэрримен, говорили тут, что этот психопат убийца...

– Вы, разумеется, слышали, – мистер Мэрримен отказывался съезжать с проторенной дорожки, – как он опозорился в одном из последних выпусков, где речь шла о цветочной выставке. Сказал, что премия присуждается леди Агате за умбекулис глобальный, – процитировал он, – и залился визгливым смехом.

– Ну, вот что, – заметил отец Джордан, – я в настоящее время в отпуске, и если честно, мне не хотелось бы терять свое достоинство священнослужителя, опускаясь до мелких сплетен. – Не успел мистер Мэрримен ему возразить, как он повысил голос и добавил: – Поднимем, фигурально выражаясь, упавшего со стены Шалтая-Болтая. Меня страшно заинтересовала ваша история о преступниках маниакального типа, то есть, людях психически нездоровых. Какую книгу вы рекомендовали прочесть? Вроде бы автор – американский психиатр...

– Не припоминаю, – обиженно пробормотал мистер Мэрримен.

– Скажите, это случайно не «Демонстративное насилие» Фредерика Вертема?

Отец Джордан облегченно выдохнул и обернулся к нему.

– Ага! Значит, вы тоже фанат этого жанра, к тому же весьма образованный?

– Ничего подобного. Просто скромный любитель. А кстати, почему, как думаете, всех так завораживают самые жуткие криминальные истории? – Он посмотрел на отца Джордана. – Что скажете, сэр?

Отец Джордан медлил с ответом, и тут снова встрял мистер Мэрримен:

– Лично я убежден, что люди читают об убийствах в качестве альтернативы. Поскольку сами не решаются убить.

– Клапан для выпуска паров? – предположил Аллейн.

– Своего рода, замещение. Так называемый антисоциальный посыл внедряется в сознание людей наиболее к нему восприимчивых. И мы совершаем свои насильственные преступления на безопасном расстоянии. Ведь все мы, – заметил мистер Мэрримен, уютно сложив руки на животе, – в глубине души дикари. – Похоже, он вновь обрел хорошее настроение.

– Вы согласны? – обратился Аллейн к отцу Джордану.

– Полагаю, – ответил он, – мистер Мэрримен говорит сейчас о том, что я называю первородным грехом. Если так, то да, конечно, согласен.

Тут все трое разом умолкли. И в это молчание врезалась, точно камень в пруд, следующая ремарка Аллейна, произнесенная громко и отчетливо:

– Возьмем, к примеру, этого душителя, человека, который хочет что-то сказать этими... как их? Розами? Что, как полагаете, может стоять за всем этим?

И снова все молчали. Долго, не меньше пяти минут.

И тут вдруг мисс Эббот уточнила:

– Не розы. Гиацинты. Причем разных сортов и цветов. – Она подняла глаза от книги, пристально посмотрела на миссис Диллингтон-Блик. – Цветы из теплицы. Потому что сейчас зима. А в первый раз были, как мне кажется, подснежники.

– А во второй гиацинты, – сказал мистер Мэрримен.

Обин Дейл откашлялся.

– Да, точно! – воскликнул Аллейн. – Теперь вспомнил. Именно гиацинты.

– Ну разве это не ужасно? – с некоторой долей злорадства воскликнула миссис Кадди.

– Просто жуть, – согласился с ней мистер Кадди. – Гиацинты! Нет, вы только представьте!

Мистер Макангус тихо произнес:

– Бедняжка.

Мистер Мэрримен с фальшиво-невинным видом ребенка, прекрасно понимающего, что ведет себя плохо, громко спросил:

– А случайно про эти цветы ничего по телевизору не показывали? Чего-нибудь такого нелепого или просто смехотворного? Ну, вы меня поняли.

Все избегали смотреть на Обина Дейла, но даже отец Джордан не нашелся, что сказать.

Именно в этот момент в салон вошел Денис с огромной корзиной цветов, которую водрузил на круглый стол в центре.

– Гиацинты! – испуганно взвизгнула миссис Кадди. – Вот это совпадение!

IV

То был довольно простой, даже наивный подбор цветов, не могущий доставить ничего, кроме удовольствия, человеку, которому преподносят такую корзину, если, конечно, он не страдает аллергией. Гиацинты укоренились и цвели в мшистом грунте. Они слегка подрагивали от движений судна, испускали головокружительный аромат и наполняли им курительную комнату, что навевало ассоциации с дорогими магазинами, ресторанами и шикарными женщинами.

Денис отступил на шаг, чтобы полюбоваться корзиной.

– Спасибо тебе, Денис, – сказала миссис Диллингтон-Блик.

– Рад служить, миссис Диллингтон-Блик, – отозвался он. – Ну разве они не великолепны?

И он вернулся за стойку бара. Пассажиры смотрели на букет, а цветы, слегка подрагивая, продолжали испускать сладчайший аромат.

Тут миссис Диллингтон-Блик поспешно объяснила:

– В моей каюте просто не хватило места для всех цветов. Вот я и подумала: будем наслаждаться ими все вместе.

– Очень мило с вашей стороны, – заметил Аллейн. Но его поддержал лишь еле слышный ропот голосов.

Но Джемайма согласилась сразу же:

– Верно! Спасибо вам огромное, цветы просто чудесные.

– У вас прекрасные манеры, бабуля, – пробормотал Тим Мэйкпис себе под нос.

– Надеюсь, – сказала миссис Диллингтон-Блик, – никого здесь не раздражает этот сильный запах. Лично я так просто купаюсь в нем. – Она обернулась к Обину Дейлу. Он тут же выпалил:

– Нет, конечно. Вы такая необыкновенная, экзотичная женщина!

Мистер Мэрримен насмешливо фыркнул.

– Боюсь, – громко произнесла миссис Кадди, – что немного подпорчу вам настроение. Мистер Кадди просто не выносит, когда в комнате стоят цветы с сильным запахом. У него на них аллергия.

– О, какая жалость! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – В таком случае их надо немедленно убрать. – И она горестно всплеснула руками.

– Думаю, в том нет необходимости, – заявила миссис Кадди. – Мы не собираемся осложнять жизнь другим людям. Может, выйти и прогуляться по палубе. Верно, дорогой?

– Страдаете от сенной лихорадки, мистер Кадди? – спросил Аллейн.

За мужа ответила миссис Кадди:

– Ну, не то что бы от сенной лихорадки, правильно, дорогой? Просто у него такая странность.

– Удивительно, – задумчиво пробормотал Аллейн.

– Да, порой чувствуешь себя как-то даже неловко.

– К примеру, на свадьбах и похоронах, да?

– На нашу *серебряную* свадьбу один джентльмен, бывший сосед мистера Кадди, принес огромный смешанный букет цветов из теплицы. Ну и пришлось мужу сказать, как он восхищается этим подарком. Но все это время ему было как-то не по себе. И когда гости разошлись, он сказал мне: «Знаешь, мама, но или я, или этот букетище». А живем мы прямо напротив больницы, и он взял эти цветы и отнес туда. А потом еще долго гулял, хотел проветриться, избавиться от их запаха, верно, милый?

– У вас была серебряная свадьба, – сказал Аллейн и улыбнулся миссис Кадди. – Вы прожили вместе целых двадцать пять лет?

– Если точнее, двадцать пять лет и одиннадцать дней. Я права, любимый?

– Права, дорогая.

– Вот, он уже побледнел, – с торжествующим видом заметила миссис Кадди, указывая на мужа. – Идем, хороший мой. Гуленьки, гуленьки, на воздух!

Похоже, мистер Кадди никак не мог оторвать взгляда от миссис Диллингтон-Блик. А потом вдруг заявил:

– Знаете, я не считаю, что запах слишком тяжелый. Ничуть на меня не влияет.

– Это *ты* так говоришь, – растерянно возразила его жена. – Идем-ка на палубу, дорогой. – С этими словами она подхватила его под руку и потащила к стеклянной двери, выходящей на палубу. Распахнула ее. Холодный солоноватый воздух ворвался в теплое помещение вместе с шумом волн и рокотом корабельных двигателей. Супруги вышли. Мистер Кадди приостановился затворить за собой дверь и заглянул в салон. Жена потянула его за собой, и они двинулись по палубе. Его седые волосы трепал ветер.

– Да они там умрут от холода! – воскликнула Джемайма. – Вышли без пальто и шляп.

– О боже, – жалобно простонала миссис Диллингтон-Блик, апеллируя прежде всего к мужчинам. – Полагаю, это я во всем виновата.

Все дружно принялись разубеждать ее.

Мистер Макангус выглянул в коридор и заметил:

– Все в порядке. Они прошли через боковую дверь и, думаю, направились прямо к себе в каюту. – Он наклонился к цветам, понюхал, робко усмехнулся и стал пританцовывать возле миссис Диллингтон-Блик. – Считаю, нам всем ужасно повезло, – заключил он. И с этими словами вышел в коридор, надевая на ходу шляпу.

– Бедное создание – красит волосы, – без тени сочувствия заметил мистер Мэрримен.

– Да будет вам! – произнес отец Джордан и беспомощно взглянул на Аллейна. – Пожалуй, – тихо добавил он, – тут нечего больше сказать, кроме как «будет вам». Эта ваша наблюдательность просто бесит.

Миссис Диллингтон-Блик так и расцвела в улыбке, обращаясь к мистеру Мэрримену:

– Какой вы, однако, испорченный мальчик! – Она захохотала и обратилась к Обину Дейлу: – Но это ведь неправда, верно?

– Честно говоря, не знаю, красит он волосы или нет. И вообще это лично его дело и никого не касается, – ответил Дейл и одарил мистера Мэрримена своей знаменитой улыбкой. – Что скажете?

– Полностью с вами согласен, – тут же подхватил мистер Мэрримен и оскалился в улыбке. – Я должен извиниться. И еще замечу, что питаю крайнее отвращение к публичному освещению человеческих слабостей.

Дейл побледнел, но промолчал.

– Давайте лучше поговорим о цветах, – предложил мистер Мэрримен и обвел собравшихся лучезарным взглядом из-под очков.

Миссис Диллингтон-Блик с энтузиазмом восприняла это предложение. Что удивительно, к ней тут же присоединилась мисс Эббот. Очевидно, обе были опытными садоводами. Дейл слушал дам с застывшей на губах улыбкой. Аллейн заметил, что он заказал себе еще один двойной бренди.

– Полагаю, – заметил Аллейн, – у каждого должен быть какой-то любимый цветок.

Миссис Диллингтон-Блик разместилась так, чтобы лучше его видеть.

– О, привет, так это вы! – весело воскликнула она. – Ну, конечно, должен. Я больше всего люблю магнолии.

– Ну а ваши какие любимые? – спросил Джемайму Тим Мэйкпис.

– Очевидно и не оригинально. Розы, конечно.

– Лилии, – улыбнулся отец Джордан. – Что тоже вполне очевидно.

– Ассоциируются с Пасхой? – фыркнула мисс Эббот.

– Именно.

– Ну а ваши? – спросил Тима Аллейн.

– Хмель, – весело ответил он.

Аллейн усмехнулся:

– Ну вот вам, пожалуйста. У каждого свои ассоциации. Что до меня, то мне милее всего сирень, навевает приятные детские воспоминания. Но если даже от пива порой начинает тошнить, то если вспомнить, что моя нянька, которую я терпеть не мог, прикалывала к фартуку ветку сирени, или что у отца Джордана лилии ассоциируются со смертью, все мы готовы в ту же секунду возненавидеть и вид, и запах этих своих самых любимых цветов.

Мистер Мэрримен взглянул на него с жалостью.

– Не самый, – заметил он, – удачный пример элементарного по сути своей предположения, но, к сожалению, довольно распространенный.

Аллейн отвесил ему поклон.

– Ну а вы что предпочитаете, сэр? – поинтересовался он.

– Да ничего. Ровным счетом ничего. Честно говоря, меня эта тема ничуть не интересует.

– А я считаю, это просто *божественная* тема! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – Я вообще обожаю узнавать что-то новое о людях и их пристрастиях. – Она обернулась к Дейлу, который тут же изобразил радостную улыбку. – Расскажите мне, какие цветы любите, – предложила она, – и я сразу пойму, каких женщин вы предпочитаете. Ну, давайте же, только честно! Ваш любимый цветок?.. Или я сама должна догадаться?

– Не иначе как агапантус? – громко произнес мистер Мэрримен. Обин Дейл со стуком поставил свой стакан на стойку и вышел из комнаты.

– Послушайте, мистер Мэрримен! – возмущенно воскликнул отец Джордан и поднялся из кресла.

Мистер Мэрримен вытаращил глаза и поджал губы:

– А в чем, собственно, дело?

– Вы прекрасно понимаете, в чем. Вы невероятно злобный и язвительный маленький человечек, и хотя лично меня ваши выпады не касаются, считаю своим долгом указать вам на это.

Этот публичный упрек, похоже, несколько не смутил мистера Мэрримена. Напротив, даже развеселил его. Он зааплодировал, потом похлопал себя ладонями по коленям и рассмеялся тоненьким противным голоском.

– Я бы вам советовал, – продолжил отец Джордан, – извиниться перед мистером Дейлом.

Мистер Мэрримен поднялся, поклонился и произнес напыщенным тоном:

– *Consilla formiora sunt de divinis locus*¹².

Священник покраснел.

Аллейн, который не понимал, почему мистеру Мэрримену следует отдавать монопольное право на нравоучения, собрался с мыслями и все же нашел подходящую цитату:

– И тем не менее, *consillium inveniunt muli se docti explicant*¹³.

– Я вас умоляю! – воскликнул мистер Мэрримен. – Как же часто приходится отмечать, что любая пошлость звучит куда лучше, если произносится на иностранном языке. Все, лично у меня есть намерение вздремнуть после завтрака.

И он затрусил к двери. Остановился на секунду поглазеть на жемчуг миссис Диллингтон-Блик и скрылся за дверью.

– Да что же это такое? – воскликнула она. – Из-за чего все это? Что вообще происходит? Почему убежал Обин Дейл? При чем тут какой-то агапантус?

– Наверное, – заметил Тим Мэйкпис, – вам ничего неизвестно об умбеликус глобула, цветке, который вырастила леди Агата, и гиацинтах, выращенных на «базе из дерьма»?

– Нет, это просто *ужасно*! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик, одновременно смеясь и плача. – Ужасно и трагично! И как это непристойно и подло со стороны мистера Мэрримена.

– Да, – заметил Тимоти Мэйкпис, – не очень-то мы похожи на счастливую и дружную семью. Остается лишь гадать, как поведет себя наш мистер Чипс¹⁴, когда корабль окажется в зоне тропиков.

– Будет выглядеть, как мистер Чипс, – заметил Аллейн, – а вести себя как Терсий¹⁵.

– Вот это я называю низко пасть, – сказала Джемайма. – Все видели, как ужасно обиделся Обин Дейл. Побледнел прямо как полотно. А кто он вообще такой, этот мистер Чипс?

– Школьный учитель, – ответила мисс Эббот, на миг оторвавшись от книги. – В этом возрасте у них у всех портится характер. Такова жизнь.

¹² Благоразумие рождается в местах священных (*лат.*).

¹³ Благоразумие тем и славно, что у него много умных объяснений (*лат.*).

¹⁴ Главный герой фильма «До свиданья, мистер Чипс» (1939). Действие происходит в одном из городков Англии, куда приезжает новый учитель.

¹⁵ Герой греческой мифологии, сражавшийся под Троей и прославившийся своим безобразием и трусостью.

Она так долго сидела тихо, что все забыли о ее существовании.

– Скажите, отец, я права? – добавила она после паузы.

– По всей вероятности. И это одна из причин подобного поведения. Что, однако, его не извиняет.

– Пожалуй, – жалобным тоном произнесла миссис Диллингтон-Блик, – будет все же лучше выбросить эти чудесные гиацинты за борт, согласны? – Она обращалась к отцу Джордану. – Думаю, так будет лучше. И дело не только в бедном мистере Дейле.

– Нет, – согласилась с ней Джемайма. – Мы должны помнить, что у мистера Кадди голова кружится при виде этих цветов.

– У мистера Кадди, по моему мнению, – заметила мисс Эббот, – голова идет кругом не только при виде этих гиацинтов. – Она опустила книгу на колени и окинула миссис Диллингтон-Блик выразительным взглядом.

– О боже! – миссис Диллингтон-Блик снова залилась смехом.

– Что ж, – заключил отец Джордан с видом человека, который отказывается замечать очевидное, – пойду, пожалуй, прогуляюсь по палубе, посмотрю, что там творится.

Миссис Диллингтон-Блик стояла как раз между ним и двойными дверьми и широко улыбалась отцу Джордану. А он стоял спиной к Аллейну. Стоял неподвижно секунду-другую, затем обошел даму и вышел из салона. Все умолкли, впрочем, ненадолго.

Миссис Диллингтон-Блик обернулась к Джемайме.

– Моя дорогая! – воскликнула она. – Я догадалась, что это за человек. Он реформатор и скрытый повеса.

Тут из коридора вошел мистер Макангус, все еще в шляпе. И застенчиво улыбнулся всем пятерым пассажирам.

– Ну, все утряслось? – осведомился он с нервным смешком, очевидно, опасаясь давать более жесткое определение случившемуся.

– Сидим себе как птенчики в маленьком гнездышке, – радостным тоном сообщил Аллейн.

– Скажите, ну разве это не прекрасно, – заметил ободренный его ответом мистер Макангус, – осознавать, что теперь с каждым днем будет становиться все теплее и теплее?

– Да, просто замечательно!

Мистер Макангус описал перед корзиной с гиацинтами маленький танец, свидетелями которого они уже однажды были.

– Просто потрясающе, – произнес он. – Это мои любимые цветы.

– Вот как? – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – Тогда, пожалуйста, *пожалуйста*, заберите их себе. Я вас очень прошу. Денис отнесет цветы в вашу каюту, мистер Макангус. Буду счастлива знать и помнить, что они отныне у вас.

Он смотрел на нее растерянно и удивленно.

– Ко мне? – переспросил мистер Макангус. – Но почему именно ко мне? Прошу прощения, вы так добры, и ваш поступок столь благороден, что до сих пор просто ушам своим не могу поверить!

– Но это так и есть. Я дарю вам эти цветы. Пожалуйста, забирайте.

Мистер Макангус явно колебался, затем пробормотал:

– Я потрясен. И, разумеется, просто в восторге. – Он хихикнул и склонил голову набок. – А известно ли вам, – начал он, – что это первый раз, *самый* первый раз в жизни, когда я получаю цветы от дамы? И что она вручает их мне по своей собственной воле! Причем мои самые любимые цветы! Спасибо вам. Огромное вам спасибо!

Аллейн видел, как растрогала эта речь миссис Диллингтон-Блик. Она радостно и без всякого кокетства улыбнулась мистеру Макангусу, а Джемайма тихонько рассмеялась.

– Я сам отнесу их в каюту, – заявил мистер Макангус. – Как же иначе. Отнесу и поставлю на маленький столик, и они будут так красиво отражаться в зеркале.

– Да, вам крупно повезло! – заметил Аллейн.

– Это уж точно. Так я могу их забрать? – уточнил он. Миссис Диллингтон-Блик весело кивнула, и он подошел к столу и ухватил огромную корзину с цветами красными руками с костлявыми пальцами. Он отличался страшной худобой, и еще Аллейн подумал, что он, должно быть, выглядел бы гораздо старше, если бы не красил волосы в этот странноватый каштановый цвет.

– Позвольте, помогу вам, – предложил Аллейн.

– О нет, нет! Я, знаете ли, человек очень сильный. Жилистый.

Макангус поднял корзину и на подгибающихся ногах зашагал к двери. Там обернулся и представлял собой в этот момент довольно забавное зрелище. Фетровая шляпа сдвинулась на нос, глаза часто моргали над качающимися стеблями гиацинтов.

– Подумаю над тем, как бы отблагодарить вас, – пообещал он миссис Диллингтон-Блик. – Сразу после Лас-Пальмаса. Ответный, так сказать, жест.

И он, пошатываясь, вышел в коридор.

– Он мог бы выкрасить волосы и в ярко пурпурный цвет, если бы захотел, – заметила миссис Диллингтон-Блик. – Такой душка!

Заслонившись книгой, мисс Эббот заметила не слишком музыкальным голосом:

– Что ж, будете ждать его ответного жеста. После Лас-Пальмаса.

Глава 5

До Лас-Пальмаса

I

Аллейн сидел у себя в каюте и листал материалы дела, которым занимался. Капитан Баннерман находился на мостике снаружи. Время от времени он проходил мимо иллюминатора Аллейна. Погода, как и предсказывал мистер Макангус, становилась все теплее, и через два дня «Мыс Фаруэлл» должен был прибыть в Лас-Пальмас. Волнение на море было сильным. Почти все пассажиры зевали, впадали в сонливость, принимали разные средства против морской болезни.

«Пятнадцатое января. Дом номер тринадцать по Хоп Лейн, Паддингтон, – читал Аллейн. – Берилл Коэн. Еврейка. Занималась торговлей вразнос. Иногда – проституцией. Внешность яркая. Хороша собой. Возраст – около двадцати шести. Рост пять футов шесть дюймов. Телосложение плотное. Волосы рыжие (крашенные). Была одета: черная юбка, красная кофта из джерси. Искусственное ожерелье (зеленого стекла). Обнаружена шестнадцатого января в пять минут одиннадцатого утра соседом по дому. Приблизительное время смерти: между десятью и одиннадцатью вечера накануне. Найдена лежащей на полу лицом вверх. Ожерелье порвано. Цветы (подснежники) на лице и груди. Причина смерти: мануальное удушение, возможно, предварительно преступник сорвал ожерелье. Сосед утверждает, что слышал, как посетитель выходил от нее примерно без пятнадцати одиннадцать. И пел. Арию “Маргариты с драгоценностями” из “Фауста”. Высоким мужским голосом».

Ниже следовало подробное описание комнаты, где нашли жертву. Аллейн пропустил все это и принялся читать дальше.

«Двадцать пятое января. Проезд близ Лэдисмит Кресцент. Фулхем. Маргерит Слэттерс, проживавшая в доме тридцать шесть А по Стэкхаус-стрит, Фулхэм. Лондон. Работала в цветочном магазине. Респектабельная женщина. Поведение скромное. Возраст тридцать семь лет. Рост пять футов восемь дюймов. Худощавого телосложения. Волосы темно-каштановые. Кожа светлая. Была одета: в коричневое платье, коричневый берет, перчатки и туфли. Искусственный жемчуг и вставные зубы. Возвращалась домой после службы из церкви святого Варнавы. Обнаружена в одиннадцать пятьдесят пять Стэнли Уокером, шофером. Приблизительное время смерти: между девятью и двенадцатью вечера. Лежала у входа в пустой гараж. Лицом вверх. Ожерелье порвано. Платье – тоже. Причина смерти – мануальное удушение. Цветы (гиацинты) на лице и груди. Когда ее видели в последний раз, цветов при ней не было. Альфред Бейтс, ночной сторож из близлежащего склада, слышал, как ему показалось, высокий голос, напевавший “Жимолость и пчела”. И было это, как он утверждает, в десять сорок пять».

Аллейн вздохнул и поднял глаза от бумаг. Капитан Баннерман как раз проходил мимо его иллюминатора. Судно то взбиралось на высокую волну, то соскальзывало вниз, горизонт то возникал, то исчезал из вида.

«Первое февраля. Проход между строениями причала номер два компании “Кейп”, док “Ройял-Альберт”. Корали Краус, проживала по адресу дом номер шестнадцать по Стип Лейн, Хэмпстед. Работала помощницей продавца в цветочном магазине “Зеленый палец” в Найтсбридж. Возраст: восемнадцать. Натурализованная австриянка. Живая, общительная. Рост: пять футов почти пять дюймов. Волосы светлые. Кожа белая. Была одета: черное платье, перчатки и туфли. Без шляпы. Розовые искусственные драгоценности (серьги, браслет, ожерелье, заколки). Взяла такси отвезти коробку с гиацинтами миссис Диллингтон-Блик, пассажирке

“Мыса Фаруэлл”. Обнаружена вечером в одиннадцать часов сорок восемь минут капралом полиции Мартином Мойром. Тело было еще теплое. Приблизительное время смерти: между пятнадцатью и сорока восемью минутами двенадцатого вечера. Лежала лицом вверх. Чулки порваны. Украшения – тоже. Уши повреждены, видимо, преступник выдрал серьги. Причина смерти: мануальное удушение. В правой руке найден фрагмент посадочного талона на судно “Мыс Фаруэлл”. Цветы (гиацинты) на лице и груди. Дежуривший у трапа матрос с “Мыса Фаруэлл” утверждал, будто слышал, как кто-то напевал высоким мужским голосом. Туман на пристани был очень густой. Все пассажиры после посадки сходили на берег (согласно утверждениям все того же дежурного матроса), за исключением мистера Дональда Макангуса, который прибыл на корабль последним».

Аллейн покачал головой и придвинул к себе листок с неоконченным письмом к жене. Призадумался и стал писать дальше:

«... Так что вместо того чтобы уныло ломать голову над этими жуткими скудными и приводящими просто в бешенство обрывками информации, я предлагаю тебе следующее, дорогая. Присоединяйся и накапливай знания об этом деле. А я буду держать тебя в курсе и сообщать обо всех новых его поворотах, которые, как оптимистично считает Фокс в полете безудержной своей фантазии, непременно возникнут. Вот они, все перед тобой, и впервые за все время ты сможешь как следует развлечься и, да помоги тебе Господь, проследить за развитием расследования по этим записям. Вот первая и самая, возможно, главная проблема, над которой я ломаю голову: что общего могло быть между этими тремя несчастными женщинами? И вот тебе ответ: ровным счетом ничего, черт побери, если не обращать внимания на один факт. А именно: все они, подобно остальным девяноста процентам женщин на земле, носили фальшивые драгоценности. Во всех других отношениях между ними нет ни малейшего сходства – ни в физическом плане, ни в расовом или национальном аспекте, ни в поведенческом. Но с другой стороны, всех их настигла одинаковая смерть, и каждой жертве было оставлено разорванное ожерелье и это чудовищно циничное украшение из цветов. Да, и кстати, я обнаружил еще одно сходство, которое не сразу бросилось в глаза. А ну, попробуй догадаться, что это?

Что же касается обрывка посадочного талона, обнаруженного в правой руке мисс Краус, именно он оправдывает мое участие в этом развлекательном круизе. Нет чтобы его сдуло ветром и унесло по причалу – но несчастная в предсмертной агонии сжимала его в пальцах железной хваткой. Еще один пример напрасного расходования денег налогоплательщиков. Капитан по моему настоянию приказал стюарду (странноватому парнишке по имени Денис) собрать у всех пассажиров посадочные талоны, точно это является обычной процедурой. И вот тебе результат:

Миссис Диллингтон-Блик: Потеряла талон.

Мистер и миссис Кадди: У них был один на двоих. С вписанными в него именами. Впрочем, возможно, там был внесен только супруг, но выяснилось, что и он его потерял. Есть над чем поразмыслить. Можно проверить кассу выдачи талонов.

Мистер Мэрримен: Лежал у него в кармане жилета, и теперь он обвиняет стюарда, что тот его обокрал (!).

Отец Джордан: Выбросил талон за борт.

Мистер Макангус: Не смог его найти, но уверяет, что сохранил. Где только не искал, но не нашел.

Доктор Мэйкпис: Ему талон не выдавали.

Обин Дейл считает, что талон забрала его возлюбленная. С какой целью – ему неизвестно.

Мисс Эббот: Бросила его в корзину для бумаг. (Исчез).

Мисс Кармишель: Талон имеется.

Так что урожай небогатый. И ни одного порванного талона.

Я уже писал тебе о том, как гиацинты Диллингтон-Блик поместили в салон. Бурная реакция со стороны Дейла и Кадди. Объяснение внезапной мигрени Дейла (путаница на ТВ) весьма убедительно. Следует отметить, что у Кадди круглая дата – серебряная свадьба. Играю ли я честно, по правилам? Не знаю. И, дорогая, я очень, очень тебя люблю.

В морском путешествии, если помнишь, отношения между людьми быстро меняются. Они очень скоро знакомятся, довольно тесно порой сближаются, зачастую между ними возникают весьма интимные доверительные отношения. Попутчики словно теряют обычно присущее им чувство ответственности и находятся в каком-то подвешенном состоянии, как и корабль, между двумя мирами. Они склонны поддаваться страстным увлечениям. Так мистер Кадди, похоже, увлекся миссис Д.-Б., ну и еще мистер Макангус, хотя выражает это увлечение каким-то странным образом. Капитан принадлежит к хорошо известному типу “морских волков” среднего возраста. Высокое кровяное давление. Возможно, пьянствует в тропиках. Любоуеобилен. (Помнишь свою теорию о мужчинах определенного возраста?) Он тоже положил глаз на миссис Д.-Б. Мэйкпис положил глаз на Джемайму Кармишель, как, впрочем, и все младшие офицеры. Она, похоже, славная девушка, но ее гложет обида, полученная в прошлом. Миссис Д.-Б. – настоящий букет дамских прелестей, и знает это. Миссис Кадди соткана из самых удручающих комплексов, и мисс Эббот – тоже, хоть и не показывает этого. Но достаточно сорвать предохранитель – и она может превратиться в самого настоящего сексуального монстра. Однако, полагаю, обобщать не стоит, рановато. И еще она наверняка бреется.

Что до мужчин, то я уже достаточно рассказал тебе о мистере Мэрримене, и ты поняла, что это за фрукт. Чтобы дополнить портрет, могу добавить, что он является типичным продуктом католической церкви Сент-Чэдс, певчего и вампира Кайуса, внешне немного смахивает на мистера Пиквика, но куда больше на мистера Чипса, хотя по характеру своему ничуть не похож на этих двух последних персонажей. Был учителем, вышел на пенсию, но использует все возможные и самые подлые педагогические приемчики – от держания камня за пазухой до попрания всех законов и правил приличия, даже когда это совсем неуместно. Он презирает полицейских, резок и ядовит в высказываниях и, готов побиться об заклад, еще устроит не один громкий скандал до конца плавания.

Обин Дейл. Образование: неизвестно. Вряд ли университет. Так любит себя на экране ТВ, что складывается впечатление – это какой-то двухмерный персонаж. Пытается быть свойским и приятным парнем, пьет раза в три больше положенного для человека, который хочет сохранить здоровье. Пока лично на меня производит впечатление славного парня. Стал предметом насмешек после нелепой оговорки во время передачи и нажил пожизненного врага в лице Мэрримена, который подговорил стюарда подать ему во время завтрака пластиковую яичницу на тарелке.

Джордан: частный колледж Лэнсинг и теологический факультет Кембриджа. Будь я обычным путешественником, то имел бы в его лице приятного компаньона. По мне – так самый интересный из мужчин здесь, но почему-то постоянно хочется понять, в какой момент интеллигентный священник вдруг превращается в капрала полиции Верующего и начинает регулировать движение. Готов поклясться: в этом случае попахивает психологией неосторожного пешехода.

Кадди: методистская школа. Торговец мануфактурой. Не слишком приятная личность. Любопытен. Скрытен. Несколько подловат. Возможно, потенциальный пациент для психиатра.

Мэйкпис: школа-пансион Фелстеда, колледж Оксфордского университета и университета Сент-Томас. Член Британской медицинской ассоциации. Доктор медицины. Хочет специализироваться по криминальной психиатрии. Производит впечатление здравомыслящего парня.

Макангус: средняя школа в Шотландии. Филателист. Этаким дружелюбный евнух, но не в прямом смысле, конечно, – слишком уж поверхностное определение. Производит впечатление

страшно суетливого и беспокойного человека. Тоже очень любопытен. Легко возбуждается по пустякам. Красит волосы, как ты уже поняла.

Ну, вот тебе, дорогая, и весь список. Вечером накануне прибытия в Лас-Пальмас я, с согласия капитана Баннермана, устраиваю вечеринку. Сам он тоже будет – надеется выставить меня дураком. Ты только что прочла список гостей. Затея может оказаться удачным экспериментом, но может потерпеть и полный провал, оказаться пустым и скучным времяпрепровождением. С другой стороны – ради чего я здесь, черт возьми? Ведь меня проинструктировали не погружаться в это дело, не нырять в него, как в омут, с головой, не раскрывать, кто я есть на самом деле. Нет, я должен вынюхивать и высматривать, не пропускать ни единой мелочи, постараться выяснить, у кого из этих людей нет алиби на момент последнего из тех трех убийств. Мне было также приказано предотвратить возможные дальнейшие действия преступника и не раздражать Хозяина судна, который краснеет и впадает в ярость при одном лишь намеке на то, что на борту его парохода может оказаться убийца. С учетом всего вышеизложенного считаю, что Д.-Б. и мисс К. выглядят наиболее очевидными кандидатами на удушение, но никогда не знаешь наверняка. С другой стороны, у миссис Кадди тоже может иметься *je ne sais quoi*¹⁶, что выпало из моего внимания, но полагаю, что мисс Эббот можно смело исключить из списка потенциальных жертв. Как бы там ни было, ты, наверное, уже вообразила, что по мере приближения к тропикам я буду все чаще устраивать маленькие вечеринки *a deux*¹⁷ в самых укромных уголках палубы и, таким образом, сам, возможно, буду убитым. (Да не волнуйся ты так, шучу я, шучу!) Просто женщин надо защищать. В Лас-Пальмасах я получу дальнейшие указания от начальства, а также последние результаты расследования, которое проводит Фокс в Англии. Остается надеяться, что они прольют хоть какой-то, пусть и маленький лучик света. А в данный момент – никакого света, лишь слабое мерцание...»

В дверь постучали. Аллейн сказал «войдите», и на пороге возник радист, усталый бледный юноша с радиোগраммой в руке.

– Мистеру Бродеру, закодировано, – сказал он.

Когда радист вышел, Аллейн расшифровал послание и через несколько минут снова взялся за письмо.

«Пауза усилила напряжение. Поступил сигнал от Фокса. Некая юная леди, продавщица из отдела фурнитуры в универмаге “Вулворт”, пребывала в сомнении целых тридцать дней и вот, наконец, позвонила Бижу Брауни и радостно сообщила Скотленд-Ярду, что пятого января сего года ее едва не задушили неподалеку от Стрэнд-он-зе-Грин. Нападавший протянул ей букетик геллеборусов (чтобы тебе было понятней, это такие рождественские розочки) и сказал, что на шее у нее сидит паук. Затем он ухватился за нитку бус, которая тотчас порвалась, но довершить черное дело ему помешал какой-то прохожий, и злодей убежал. Вечер выдался темный, и она смогла сообщить Фоксу о нападавшем лишь то, что он тоже был какой-то весь темный, говорил очень вежливо, носил перчатки, и на лице его красовалась густая черная борода».

II

Приглашение на ужин, который собирался устроить Аллейн, первым выслушал капитан Баннерман.

– Мероприятие может носить неформальный характер, – заметил Аллейн, – а потому есть шанс как можно больше узнать обо всех этих людях.

– Не понимаю, каким образом вы собираетесь этого добиться.

¹⁶ Нечто такое мне неведомое (*фр.*).

¹⁷ На двоих, вдвоем (*фр.*).

– Надеюсь, что поймете, буквально через минуту. И да, кстати, сэр, мне очень нужна ваша помощь. Если вы, конечно, не откажете.

– Моя? И в чем же именно она будет заключаться?

– Позвольте объяснить.

Капитан Баннерман выслушал его с видом крайнего неудовольствия. А когда Аллейн закончил, хлопнул ладонями по коленям и произнес:

– Затея просто безумная, но если поможет раз и навсегда доказать, что вы здесь охотитесь за химерами, думаю, попробовать стоит. Я не отказываюсь. Нет!

Получив это авторитетное согласие, Аллейн проинструктировал старшего стюарда, тот выслушал его с видом крайнего изумления. Все вечеринки, которые устраивались на борту этого корабля, пояснил стюард, являлись обычными коктейльными вечеринками, для которых Денис готовил напитки и весьма скромные легкие закуски. Включали музыку и слушали пластинки через динамик.

Однако у Аллейна имелись преимущества – он считался на судне VIP-персоной и родственником исполнительного директора компании – а потому возражения вскоре стихли. Денис даже раскраснелся от возбуждения, стюарды были сама любезность, а шеф-повар, португалец, в котором благодаря чрезвычайно щедрым чаевым вдруг ожил почти утраченный интерес к своей профессии, проявлял невиданный доселе энтузиазм. Столы были сдвинуты вместе и украшены, отобраны лучшие вина, и вот в назначенный час восемь пассажиров, а также старший помощник, главный механик, Аллейн и Тим Мэйкпис встретились в салоне за выпивкой. А затем, уже позже, прошли в столовую на праздничный ужин.

За одним концом стола разместился Аллейн, по правую руку от него сидела миссис Кадди, по левую – мисс Эббот. Ровно напротив, за другим концом стола, восседал капитан, и соседками его были миссис Диллингтон-Блик и Джемайма. Этот фактор сломил остатки сопротивления, Аллейн расточал улыбки и полностью вошел в роль, которую ему было предназначено играть.

Инспектор оказался прекрасным хозяином: помогло профессиональное умение разговаривать самых разных людей, к тому же он обладал шармом (жена, упоминая об этом его качестве, непременно добавляла прилагательное «непристойный») и как никто другой умел создать атмосферу праздника. Ему очень помогла в этом миссис Диллингтон-Блик, так и пылающая энтузиазмом и сверкающая драгоценностями в глубоком декольте. Наряд весьма провокационный и многообещающий. Она выглядела столь ослепительно, что каждое ее высказывание воспринималось как бриллиант чистой воды. По другую руку от нее сидел отец Джордан, и он тоже был восхитителен. Обин Дейл, явившийся на ужин в великолепном бархатном смокинге, излучал добродушие и развлекал своих соседей анекдотами и расхожими шуточками, которые доселе успешно апробировал на своих приятелях из мира, как он выражался, массовых коммуникаций. Эти истории находили радостный отклик у миссис Диллингтон-Блик.

Мистер Макангус вставил в петлицу гиацинт. Тим Мэйкпис получал, похоже, искреннее удовольствие, а Джемайма, казалось, дивилась собственной веселости. Мистер Мэрримен определенно расцвел, ну или по меньшей мере приободрился под воздействием великолепных вин и удивительно вкусной еды, а мисс Эббот шутиливо пикировалась через стол с мистером Кадди. Оба офицера позабыли о хороших манерах и активно налегали на выпивку и закуски.

С супругами Кадди все обстояло сложнее. Миссис Кадди сидела с таким видом, точно ей известна некая тайна, но она ни за что ее не выдаст, а улыбка мистера Кадди заставляла предположить, что он владеет секретной информацией, возможно, дискредитирующей всех остальных, и это доставляет ему определенное удовольствие. Время от времени супруги обменивались взглядами.

Однако когда за «Монтраше» подали «Перье Жуйе», причем в каких-то невероятных количествах, даже Кадди до определенной степени утратили скрытность. Миссис Кадди, уве-

рявшую Аллейна, что почти не прикасается к спиртному, разве что выпивает капельку портера только по большим праздникам, удалось убедить отказаться от аскетизма, и она последовала совету. Мистер Кадди осторожно пригубивал бокал и задавал разные вопросы о вине, не преминув со свойственным ему занудством несколько раз отметить, что это выше его понимания, что он человек простой и не привык ко всяким роскошествам в еде. Аллейну этот мистер Кадди становился все менее симпатичен.

Тем не менее именно благодаря ему была затронута тема, которую собирался поднять Аллейн. Цветов на столе не имелось. Вместо них стояли большие вазы с фруктами и уютные лампы под абажурами, и Аллейн подчеркнул, что сделано это из-за аллергии мистера Кадди на цветы. Ну и уже отсюда уже не составляло труда перейти к теме Цветочного Убийцы.

– Похоже, что цветы, – заметил Аллейн, – оказывают на злодея совсем противоположное действие, нежели на вас, мистер Кадди. Какое-то жуткое пристрастие. Вы со мной согласны, мистер Мэйкпис?

– Да, вполне возможно, – весело ответил Тим. – С точки зрения клинической психиатрии, они, вероятно, вызывают у него подсознательную ассоциацию...

Он был достаточно молод и выпил много хорошего вина, чтобы похвастаться своими знаниями, и в то же время – достаточно скромнен, чтобы ограничиться одним-двумя предложениями.

– Но вообще-то об этих случаях известно довольно мало, – извиняющимся тоном добавил он. – Так что, наверное, я смолот какую-то чушь.

Однако он послужил цели Аллейна, и все разговоры за столом теперь сосредоточились на Цветочном Убийце. Выдвигались разного рода версии. Припоминались известные дела. Высказывались разнообразные аргументы. Похоже, все были готовы высказаться на тему смерти через удушение Берилл Коэн и Маргерит Слэттерс. Даже мистер Мэрримен оживился и принялся вовсю критиковать методы полиции, которая, по его мнению, полностью провалила расследование. Он приготовился развить эту тему, когда капитан Баннерман, не глядя на миссис Диллингтон-Блик, вдруг вытащил правую руку из-под скатерти, приподнял бокал с шампанским и предложил выпить за здоровье Аллейна. Миссис Кадди неожиданно присоединилась и визгливым голосом стала требовать:

– Тост! Просим тост!

Ее поддержали капитан, Обин Дейл, офицеры и муж. Отец Джордан пробормотал:

– Да, ответную речь тут надо произнести обязательно.

Мистер Мэрримен смотрел сардонически, все остальные вежливо подхватили это требование и застучали по столу.

Аллейн поднялся. Он был высокого роста, и черты его лица освещались снизу, как у актера на сцене в те дни, когда еще существовали огни рамп и на публику это произвело впечатление, – все тотчас умолкли. Стюарды отошли к стене, в тень, воцарилась тишина, лишь с кухни доносилось звяканье посуды. И снова стали слышны рокот двигателей и шум волн.

– Очень любезно с вашей стороны, – начал Аллейн, – но я не большой мастер произносить речи и боюсь опозориться и выставить себя дураком, особенно в такой изысканной компании. Здесь церковь! Телевидение! Ученые мужи! Нет, нет. Я просто должен поблагодарить вас за ту чудесную атмосферу, которую вы создали за этим столом. Надеюсь, что вечеринка удалась, и сяду, пожалуй. – И с этими словами он уселся на свое место, ко всеобщему и, судя по выражению его лица, своему собственному удивлению. Тут мистер Кадди внезапно взревел голосом быка, которому еще в младенчестве наступили на ухо:

– Но... или!..

Звук, который он издал, был лишен хотя бы отдаленного сходства на нечто всем знакомое. Так что на мгновение все растерялись и никак не могли понять, что же его так взволновало. И только когда он добрался до слов песни «Веселый славный малый», намерение его

стало понятно, как и попытка, сделанная чуть раньше миссис Кадди. И капитан с офицерами тут же ее поддержали. И отец Джордан добродушно пропел несколько строк, но его приятный тенор был почти не слышен на фоне тех оглушительных звуков, что производила луженая глотка мистера Кадди. Так что попытка спеть хором провалилась, и все смущенно умолкли.

Аллейн поспешил разрядить обстановку.

– Огромное вам всем спасибо, – сказал он. И вдруг поймал на себе взгляд мистера Мэрримена. – Вот вы тут говорили, что полиция, проводящая расследование, просто запуталась. В каком именно смысле?

– Да во всех смыслах, дорогой мой, – ответил Мэрримен. – Что они сделали, чего добились? Несомненно, действовали согласно обычной своей методике, которую используют при раскрытии других дел, упустив из вида, что здесь совсем другой случай. Расследования ничего не дали, и они растерялись. Я уже давно подозревал, что методы нашей замечательной полиции, так превозносимые слишком доверчивой публикой, на деле являются неуклюжими, совсем не гибкими и напроць лишены даже малой толики воображения. Убийца не оставил им на месте преступления ни залоговой квитанции, ни водительских прав, ни визитных карточек – вот они и ретировались, разинув рты от изумления.

– Лично я, – продолжил Аллейн, – не думаю, что они даже близко подступят к раскрытию и справятся с этой работой. Чем они, собственно, там занимаются? Ума не приложу!

– Вы лучше их сами спросите! – возбужденно подхватил мистер Мэрримен. – Нет, несомненно, они обыскали место преступления в попытке обнаружить следы так называемой профессиональной деятельности злодея, то, что я называю «пылью», в наивной надежде, что этот тип или укладчик кирпичей, или точильщик ножей, или работник мукомольной фабрики. Ничего не найдя, они принялись цепляться к ни в чем не повинным людям, которых видели поблизости, и в течение нескольких недель донимали их, просили предъявить алиби. Это надо же, алиби! – воскликнул мистер Мэрримен и всплеснул руками.

Миссис Диллингтон-Блик широко распахнула глаза и спросила:

– А как бы вы поступили, мистер Мэрримен, если бы работали в полиции?

Настала небольшая пауза, после чего мистер Мэрримен высокомерно заявил, что поскольку никогда не был детективом, вопрос не по адресу.

Капитан поинтересовался:

– А что там не так с алиби? Если у человека оно есть, стало быть, он непричастен, так? И пусть себе идет на все четыре стороны.

– Алиби, – важно заметил мистер Мэрримен, – это из той же категории, что и статистика. Если как следует проанализировать, ничего не доказывают.

– О, да будет вам! – возразил ему отец Джордан. – Если я провожу вечернее богослужение в Кенсингтоне в присутствии всех своих прихожан, то, ни малейших подозрений, что я в это же время совершил преступление в Бермондси, не возникнет.

Мистер Мэрримен заметно скис, и Аллейн поспешил ему на помощь:

– Определенно, многие люди просто не помнят, чем занимались в какой-то конкретный день и час. Я и сам принадлежу к их числу.

– Давайте, к примеру, предположим, ну, просто ради интереса, – вмешался капитан Баннерман, при этом избегая почему-то смотреть на Аллейна, – что все мы, здесь собравшиеся, предоставим алиби на время хотя бы одного из этих преступлений. Нет, ей-богу, просто любопытно.

Отец Джордан, не сводивший пристального взгляда с Аллейна, заметил:

– Что ж, можно попробовать. Я за.

– Один доброволец у нас есть, – сказал Аллейн. – Можно даже держать пари. А вы что скажете, мистер Мэрримен?

– Обычно, – заявил Мэрримен, – я не являюсь любителем всяких там пари. Однако *dissipet Euhius cueros edaces*¹⁸. В данном случае готов рискнуть небольшой суммой. Просто ради интереса.

– Готовы? – уточнил Аллейн. – Точно? Что ж, прекрасно. Сколько ставите, сэр?

Мистер Мэрримен призадумался.

– Ну, давайте же! – подстегнул его капитан.

– Что ж, хорошо. Ставлю пять шиллингов за то, что большинство здесь присутствующих не смогут представить сколько-либо приемлемое алиби на определенную дату.

– Ловлю на слове! – воскликнул Обин Дейл. – Держу пари на ту же сумму!

Аллейн, капитан Баннерман и Тим Мэйкпис также подтвердили, что принимают ставку мистера Мэрримена.

– И если возникнет спор по приемлемости этого алиби, – заявил капитан, – те, кто не делал ставок, могут голосовать. Как вам такое предложение?

Мистер Мэрримен кивнул.

Аллейн спросил, о какой именно дате должна идти речь, и капитан вскинул руку.

– Предлагаю вот что, – сказал он. – Первое преступление Цветочного Убийцы. Все согласны?

Все тут же заговорили разом, и на общем фоне отчетливо прорезался голос мистера Кадди, прозрачно намекающего на то, что, по его мнению, ответ на столь простой вопрос никого нисколько не затруднит. И между ним и мистером Мэррименом тут же разгорелся жаркий спор и с тем же пылом продолжился и за кофе в салоне. Аллейн лишь осторожно подливал масла в огонь, и вся компания возбудилась чрезвычайно. Он почувствовал, что ситуация созрела и что надо как можно быстрее собрать урожай, пока остальные, в первую очередь капитан и Обин Дейл, не напились.

– Так как насчет пари? – спросил он, воспользовавшись короткой паузой. – Дейл против мистера Мэрримена. И все мы должны предоставить алиби на день первого убийства Цветочника, хотя лично я даже не помню даты. Кто-нибудь помнит? Что скажете, мистер Макангус?

Мистер Макангус тут же ударился в довольно путанные ассоциации и воспоминания. И заявил, что просто уверен, что читал об этом в газете тем утром, как его аппендикс, впоследствии удаленный, вдруг дал о себе знать, причем самым неприятным образом. А случилось все это в пятницу, в чем лично он твердо убежден. Да, в пятницу шестнадцатого января. И однако – так ли это?.. Он перешел на какой-то невнятный шепот. Начал загибать пальцы, что-то подсчитывая, и с безнадежным видом блуждал среди вводных слов-паразитов.

Отец Джордан произнес:

– Полагаю, вам известно, что это произошло вечером пятнадцатого...

– И всего через пять дней после этого, – пробубнил мистер Макангус, – меня срочно доставили в больницу Святого Бартоломея, где я находился на грани жизни и смерти...

– Коэн! – выкрикнул Обин Дейл. – Ее звали Берилл Коэн! Ну, конечно же!

– Хоп Лейн, Паддингтон, – с усмешкой добавил Тим Мэйкпис. – Между десятью и одиннадцатью вечера.

Капитан одарил Аллейна еще одним очень выразительным заговорщицким взглядом.

– Ну, давайте же! – воскликнул он. – Начали! Поехали! Дамы первые.

Миссис Диллингтон-Блик и Джемайма тут же в один голос заявили, что напрочь не помнят, чем именно занимались тем вечером. Миссис Кадди кисло и смущенно заявила, что отказывается принимать участие, поскольку поддерживает мужа.

Отец Джордан тихо заметил, что тем вечером находился неподалеку от места преступления. Он читал лекцию в молодежном клубе в Паддингтоне.

¹⁸ Ненасытность, да будет славен Бахус, неизлечима (*лат.*).

– Один из организаторов отвозил меня потом на машине. Помню, потом я еще подумал, что находился буквально в двух шагах от Хоп Лейн.

– Нет, вы только представьте! – воскликнула миссис Кадди. – Фрэд! Представляешь?

– А это, полагаю, означает, – продолжил отец Джордан, – что алиби у меня имеется, не так ли? – И он обернулся к Аллейну.

– Думаю, да.

Мистер Мэрримен, чьи представления об алиби основывались не на логике, а на присущей ему сварливости, заявил, что все это еще надо доказать, а потому результат неубедительный.

– О, – невозмутимо ответил отец Джордан, – я без труда могу доказать свое алиби. И весьма убедительно, – добавил он.

– В отличие от меня, – тут же вставил Аллейн. – Кажется, тем вечером я был дома, но как это доказать – понятия не имею.

Капитан Баннерман громко заявил, что он находился в Ливерпуле на борту своего корабля и доказать это – проще некуда.

– Итак, – воскликнул он и рассеянно ухватил миссис Диллингтон-Блик за локоток, – может, кто-то еще хочет что добавить? Есть среди нас убийца? – Он громко рассмеялся своей шутке и уставился на Аллейна с упреком и даже оттенком сожаления. – Как насчет вас, мистер Кадди? Вы, несомненно, можете отчитаться за свои действия, верно?

Интерес пассажиров к этой игре заметно возрос. Если бы только, подумал Аллейн, капитан Баннерман мог заткнуться, беседа прошла бы строго по плану. К счастью, в этот момент миссис Диллингтон-Блик зашептала что-то на ухо капитану. Тот слушал ее самым внимательным образом, и взгляды всех присутствующих вновь обратились к мистеру Кадди.

Мистер Кадди принял позу человека, крайне довольного тем, что оказался в центре внимания. И одновременно поглядывал на всех пассажиров подозрительно, словно опасался, что кто-то из них может поймать его на слове. Он с раздражающей медлительностью извлек записную книжку, полистал.

– Пятнадцатого января, – сказал он, еще раз сверившись с какими-то записями и усмехаясь во весь рот, – был вторник, а вечерами по вторникам я обычно посещаю местное отделение профсоюза торговцев мануфактурой. – Он дал адрес этого отделения (на Тутинг Бродвей), а когда мистер Мэрримен спросил, действительно ли он был там именно *тем* вечером, обиделся и умолк.

– Мистер Кадди, – поспешила вставить его жена, – не пропускал ни одного собрания на протяжении двадцати лет. За это они прозвали его Старшим Бизоном и всегда отзываются о нем просто прекрасно.

Джемайма и Тим Мэйкпис взглянули друг на друга и тут же отвернулись.

Мистер Мэрримен, слушавший мистера Кадди с живейшим интересом, начал расспрашивать о времени, когда он покинул собрание. Но мистер Кадди лишь взглянул на него свысока, потом заметил, что не помнит, потому как не слишком хорошо себя чувствует, и это, судя по его бледности, было правдой. И удалился на свое место в дальнем конце салона в сопровождении миссис Кадди. Очевидно, мистер Мэрримен расценил это отступление как свой личный триумф. Он расправил плечи и весь раздулся от гордости.

– Дискуссия, – заметил он, оглядывая присутствующих, – получается небезынтересная. На данный момент нам представили лишь два более или менее доказуемых алиби, – он кивком указал на капитана и отца Джордана. А у всех остальных, в том числе и у дам, получилось как-то неубедительно.

– Да, но однако же, – начал Тим, – стоит провести совсем небольшую проверку...

Мистер Мэрримен отмахнулся от него как от назойливой мухи.

– Ну, разумеется! – воскликнул он. – Само собой. Однако давайте продолжим. Мисс Эббот...

– А как насчет вас? – донесся вдруг голос мистера Кадди из дальнего конца комнаты.

– Ага! – присоединилась к нему миссис Кадди и рассмеялась каким-то раблезианским смехом. – Ха, ха, ха! – произнесла она с самым невозмутимым выражением лица. – Вот именно! Как насчет вас, мистер Меррибен?

– Успокойся, Этель, – пробормотал ее муж.

– Бог ты мой, – прошептал Джемайме Тим. – Бойкая оказалась крошка.

– Да она просто перебрала за ужином. Наверное, впервые в жизни.

– Верно. Надралась. Замечательно!

– Ха-ха-ха, – повторила миссис Кадди. – Где был Меррибен, когда погас свет?

– Этель!

– Вообще-то все правильно! – воскликнул Обин Дейл. – Давайте, мистер Мэрримен. Алиби, будьте так любезны.

– Да с удовольствием, – отозвался мистер Мэрримен. – Его у меня нет. Как и у большинства. Тем вечером, – продолжил он нравоучительным тоном, словно предполагал, что все тотчас же начнут записывать под его диктовку, – я отправился в кинотеатр. Под названием «Коузи¹⁹», пишется (что является вопиющим вульгаризмом) с заглавной буквы «К». На Баунти-стрит, в Челси. И по случайному стечению обстоятельств фильм назывался «Жилец». И то, что я там находился в означенное время, доказать не могу, – торжествующе заключил он.

– Весьма сомнительно, – заметил Тим, удрученно качая головой. – О да, боюсь, весьма сомнительно, сэр!

Мистер Мэрримен разразился каркающим смехом.

– Знаю! – неожиданно воскликнул мистер Макангус. – Вспомнил! Вторник! Телевизор! – И тут же добавил: – Нет, нет, погодите секунду. Какого числа это было?

Аллейн напомнил ему, и мистер Макангус тотчас грустно умолк.

– Так как все-таки насчет мисс Эббот? – спросил капитан Баннерман. – Вы можете предоставить нам алиби, мисс Эббот? На пятнадцатое января?

Она ответила не сразу. Выпрямившись, без тени улыбки сидела и смотрела прямо перед собой. Все вдруг разом умолкли.

– Я была у себя в квартире, – сообщила она наконец и назвала адрес. «Что-то настораживает в ее поведении», – подумал вдруг Аллейн. – Черт! Все это так неожиданно. И вообще давно пора сменить тему.

– Ну уж нет, – шутливо заметил Обин Дейл. – Доказательства, мисс Эббот. Просим вас, доказательства!

– Может, вам кто звонил или заходил? – с дружелюбной улыбкой обратилась Джемайма к мисс Эббот.

– Мой друг... ну, человек, с которым я делю квартиру, пришел в десять тридцать пять.

– Надо же, как точно запомнила! – пробормотала миссис Диллингтон-Блик и добавила, что сама она в таких случаях отличается крайней рассеянностью.

– Ну а до этого? – спросил мистер Мэрримен.

На скулах мисс Эббот проступили красноватые пятна.

– Я смотрела телевизор, – ответила она.

– По собственной доброй воле? – изумленно воскликнул мистер Мэрримен.

Тут, к всеобщему удивлению, мисс Эббот вздрогнула. А потом облизала губы.

– Это помогает... иногда помогает скоротать время.

¹⁹ Коузи – очевидно, кинотеатр назывался «Cosy», что в переводе с английского означает «Уютный».

Тим Мэйкпис, отец Джордан и Джемайма, почувствовав, как смутилась женщина, попытались отвлечь внимание мистера Мэрримена, но тот принадлежал к разряду людей, не способных остановиться, если до сих пор разговор складывался столь удачно для них.

– Скоротать время, – протянул он, выразительно закатывая глаза. – Что за странная приверженность этому чудовищному ящику, этому запудривающему мозги дьявольскому устройству с его раздражающе непристойными шоу? Что там было в программе?

Мисс Эббот покосилась на Обина Дейла, который с ненавистью взирал на мистера Мэрримена.

– Вообще-то... – начала она.

Тут Дейл взмахнул руками:

– Ага, ну, конечно, так я и знал! Так и знал! С девяти до девяти тридцати. Каждый вечер по вторникам. Господи, помогите мне, ну, как чувствовал! – Он всем телом подался вперед и обратился к мистеру Мэрримену: – Вы знали, что в это время показывают мою программу. Ту самую, что вызывает у вас такую ненависть! «Упакуй свои беды в старый мешок», которая, сколь ни покажется вам странным, вызывает совсем другую реакцию у многочисленных зрителей. Рейтинги говорят сами за себя, и это факт! А стало быть, программа нравится всем этим людям!

– Послушайте! Послушайте! – громко воззвала из дальнего угла салона миссис Кадди и в знак одобрения затопала ногами.

– «Упакуй свои беды в старый мешок», – выкрикнула миссис Диллингтон-Блик. – Ну, конечно!

– Мадам, – мистер Мэрримен строго взглянул на мисс Эббот. – Не будете ли столь добры по возможности точно описать унижительное положение, в которое там поставили всех этих людей... Право, затрудняюсь подобрать верное слово для их описания... Но мой противник, несомненно, просветит меня на этот счет...

– Испытуемые? – предположил отец Джордан.

– Жертвы? – предложил Тим.

– Или все же гости? Лично я считаю их своими гостями, – заявил Обин Дейл.

Миссис Кадди истерически взвизгнула:

– Прекрасное, прекрасное определение!

– Да уймись ты, Этель! – проворчал мистер Кадди.

Мисс Эббот, нервно ломавшая крупные пальцы, тихо сказала:

– Ничего не помню об этой программе. Совсем ничего.

Она поднялась со своего места, затем, видимо, передумала и села снова.

– Мистер Мэрримен, – вмешалась Джемайма, – прекратите травить мисс Эббот. – И обернулась к Обину Дейлу. – По крайней мере, у вас, похоже, есть алиби.

– О да! – выпалил он. Допил двойной бренди и взял миссис Диллингтон-Блик под руку. – Господи, да! От Берилл Коэн меня отделяют все зрители коммерческого телевидения. Двенадцать миллионов зрителей не могут ошибаться! Вопреки всем уверениям мистера Мэрримена.

Аллейн как бы невзначай заметил:

– Но вроде бы ваша программа идет до девяти тридцати? А как насчет следующего часа?

– Сотрите вашу боевую раскраску, мой дорогой, здесь собрались только старые добрые друзья.

Все согласились, что алиби Обина Дейла установлено. Как вдруг мистер Макангус осторожно заметил:

– Тут вот что... Я, конечно, могу и ошибаться, но вроде бы кто-то говорил, что именно этот выпуск состоялся в другое время. То есть я хочу сказать, если это вообще та самая программа.

– Что? – взвизгнул мистер Мэрримен и ткнул в него пальцем. – А ну-ка, объясните толком. Была снята заранее? Шла в записи?

– Да. Но, конечно, я могу и оши...

Но мистер Мэрримен уже торжествующе обернулся к Обину Дейлу:

– Ну, что скажете, сэр? Эта программа шла в записи?

Глаза всех присутствующих обратились к Обину Дейлу, точно он приглашал их разделить торжество с мистером Мэррименом. Тот развел руками, улыбнулся еще шире и похлопал мистера Макангуса по голове.

– Умница мальчик, – сказал он. – А я-то думал, что выкрутился. Просто не мог преодолеть искушения заморочить вам голову, мистер Мэрримен. Но вы, конечно, простите меня за это?

Мистер Мэрримен грозно уставился на Обина Дейла, и, как заметила Джемайма Тиму, еле сдерживался, чтобы не выдать расхожую фразу: «Встретимся у меня в кабинете после занятий».

А Дейл меж тем не унимался и нервно добавил с мальчишеской бравадой:

– Нет, клянусь, был просто уверен, что выкрутился. Что вполне естественно.

– Стало быть, – уточнил Аллейн, – то был не прямой эфир?

– В данном случае нет. Обычно прямой, но как раз тогда я собирался лететь в Штаты, а потому мы отсняли это программу заранее.

– Вот как? – сказал мистер Мэрримен. – А вы, насколько я понял, сэр, летели на момент убийства в Соединенные Штаты?

– Вообще-то нет. Тут такая штука произошла. Ну, перепутали даты. Я полетел три дня спустя. Чертовски неудобно вышло. Короче, прилетел я оттуда лишь накануне нашего отплытия.

– И ваше алиби?... – многозначительно начал мистер Мэрримен.

– Ну да, в общем... Да не смотрите вы так на меня, падре. Вечер я провел со своей дамой сердца. Только не просите вдаваться в подробности, хорошо? Имени называть не буду, хотя, возможно, вы знаете, кого я имею в виду.

– И никакого вам алиби, – строго заметил мистер Мэрримен.

Настала неловкая пауза, все избегали смотреть друг на друга, и тут вдруг неожиданно снова вступил мистер Макангус:

– А вот я прекрасно все вспомнил. – Тем вечером, прежде чем начались боли в животе, я *смотрел* телевизор!

– Ту самую программу? – рявкнул мистер Мэрримен. Мистер Макангус смущенно улыбнулся Обину Дейлу.

– О, – пробормотал он. – Я, знаете ли, самый преданный ваш поклонник.

Выяснилось, что он действительно смотрел программу «Упакуй свои беды в старый мешок». И когда его спросили, помнит ли он, о чем там шла речь, тут же ответил:

– Как же, прекрасно помню. – Аллейн заметил, что мисс Эббот на секунду закрыла глаза и побледнела, точно у нее закружилась голова. – Там была одна леди, – продолжил мистер Макангус, – и она, насколько мне помнится, спрашивала, стоит ли ей выходить замуж.

– Но они почти в каждой программе задают этот вопрос, – простонал Дейл и шутливо изобразил крайнее отчаяние.

– Но там было все как-то сложно. Потому как бедняжке казалось, что тем самым она предает свою ближайшую подругу и что подруга ничего об этом не знает и очень расстроится. Да, точно! – воскликнул Макангус. – Я вспомнил! Вот только не помню, в какой то было день. Вроде бы двадцать пятого? Да нет, пятнадцатого, точно.

– Я тоже не помню, в какой именно день показывали эту программу, но зато хорошо запомнил бедняжку. Думаю, что помог ей. Во всяком случае, надеюсь на это.

– Возможно, – вмешался капитан Баннерман, – теперь после вашего рассказа и мисс Эббот вспомнит. И у нее будет отличное алиби.

– Вы помните, мисс Эббот? – взволнованно спросил мистер Макангус.

Все устремили на нее свои взгляды и все, кроме мистера Макангуса, тотчас поняли, что она очень расстроена. Губы у нее дрожали. Мисс Эббот прикрыла лицо ладонью, получилась некая нелепая пародия на задумчивость. А потом покачала головой, и из ее глаз хлынули слезы.

– Что, не помните? – воскликнул мистер Макангус, растерянно моргая и не понимая, что происходит. – Вы все же попытайтесь, мисс Эббот. Такая темноволосая довольно полная дама. Ну, во всяком случае, такое произвела впечатление. Потому как лица не было видно, и затылок находился не в фокусе, верно, мистер Дейл? Но она все твердила (думаю, они и голос ее тоже немножко исказили), будто точно знает, что ее подруга страшно расстроится. Потому как, кроме самой гостыи передачи, у нее просто нет человека ближе. – Он кивком указал на Обина Дейла. – Вы были просто гениальны, – заметил он. – Так тактичны. Особенно когда говорили об одиночестве. Уверен, если бы вы видели эту программу, мисс Эббот, то наверняка бы запомнили. Мистер Дейл дал столько полезных практических советов. Не помню точно, к чему они сводились, но...

Мисс Эббот посмотрела на него и выкрикнула с какой-то яростью:

– Ради бога, прекратите эту болтовню! «Полезные советы!» Да какие «советы» могут помочь в таком аду! – Она оглядела присутствующих, в глазах ее светилось отчаяние. – Для некоторых из нас, – добавила она, – выхода просто нет. Мы рабы самих себя. И от этого не убежать и не скрыться.

– Ерунда! – резко заметил мистер Мэрримен. – Выход всегда есть. Надо только набраться мужества и решимости.

Мисс Эббот всхлипнула.

– Простите, – пробормотала она. – Я просто сама не своя. Наверное, не стоило пить так много шампанского. – И она резко отвернулась.

Отец Джордан поспешил заметить:

– Знаете что, мистер Макангус, боюсь, вы нас не совсем убедили.

– И это последнее алиби, которое можно выбросить за борт, – сказал капитан. – Победа присуждается мистеру Мэрримену.

С этими словами он передал ему свои пять шиллингов. Аллейн, Тим Мэйкпис и Обин Дейл последовали его примеру.

Тут все заговорили разом, избегая смотреть на мисс Эббот, – все, за исключением супругов Кадди. Джемайма встала перед ней, заслоняя собой от остальных. Сделала она это столь тактично, что Аллейн лишь утвердился в своем первоначальном мнении – Джемайма очень славная девушка. К ней присоединилась миссис Диллингтон-Блик, за ней автоматически потянулись и некоторые из присутствующих. И вот между мисс Эббот и всем остальным миром образовался надежный барьер, находясь за которым, она громко сморкалась в носовой платок.

И вот она взяла себя в руки, поднялась, поблагодарила Аллейна за вечеринку и вышла.

Тут же ожили супруги Кадди, возбужденные, переполненные впечатлениями, сторающие от любопытства, и принялись обсуждать причину такой реакции мисс Эббот. Но никто их не поддержал. Мистер Макангус был растерян до крайности. Тим говорил с Джемаймой, капитан Баннерман и Обин Дейл беседовали о чем-то с миссис Диллингтон-Блик. Мистер Мэрримен бросил один взгляд на Кадди поверх очков, взъерошил волосы и громким голосом выдал очередную сентенцию в адрес Аллейна и отца Джордана:

– *Nos morbidus cupiditatis*²⁰.

²⁰ Тут явно нездоровое влечение (лат.).

Аллейна внезапно посетило ощущение, несколько нехарактерное для офицера полиции, занимающегося расследованием. Он ощутил любовь и теплоту ко всем этим людям. Он уважал их за то, что отказались сплетничать с Кадди о жизненных неурядицах мисс Эббот, за то, что проявили такую деликатность и сочувствие, когда она сломалась. Он увидел, что Джемайма и миссис Дилингтон-Блик говорили о чем-то, а затем выскользнули из салона, и догадался, что они пошли предложить свою помощь мисс Эббот. И его это очень растрогало.

Подошел отец Джордан и сказал:

– Нельзя ли уединиться с вами на минутку? – И отвел его в дальний конец помещения.

– Как-то некрасиво получилось, – заметил священник.

– Мне страшно жаль.

– Но ведь вы не могли предвидеть, что все обернется таким вот образом. Она очень несчастная женщина. По ней сразу видно.

– А всему виной этот чертов духовный или душевный стриптиз под руководством Дейла, – сказал Аллейн. – Лично мне кажется, ее чем-то расстроила именно эта программа.

– Несомненно, – с улыбкой согласился отец Джордан. – И вы дали ей прекрасное определение – именно «духовный стриптиз». Наверное, вы сочтете, что я совсем некстати приплетаю тут мое облачение и род занятий, но я твердо убежден: исповедоваться надо перед профессионалами.

– Но Дейл называет себя профессионалом.

– То, чем он занимается, – строго заметил отец Джордан, – вульгарно, опасно и абсолютно одиозно. Но в целом он, разумеется, неплохой парень. По крайней мере, так мне кажется. Совсем даже неплохой человек.

– Наверное, вы хотели сказать мне что-то еще, да? – спросил Аллейн.

– Хотел, но как-то не решаюсь. Не уверен, стоит ли. Вы будете смеяться надо мной, если я скажу, что в силу своего опыта или же, возможно, благодаря некоему инстинкту я особенно чувствителен к... духовной атмосфере.

– Не совсем понимаю, почему я...

Отец Джордан перебил его:

– Хотел сказать, что чувствую: здесь что-то явно неладно в плане чисто духовном. Я использую именно это слово, потому как являюсь священником. Общаюсь со многими людьми и научился чувствовать это.

– Чувствуете и сейчас?

– Да, и очень отчетливо. За всем этим кроется некое невыразимое несчастье, – ответил отец Джордан. – Вот только никак не могу определить, от кого оно исходит.

– От мисс Эббот?

– Не знаю, не знаю.

– Пусть так, – заметил Аллейн. – Но ведь вы не это собирались сказать.

– Вы тоже очень чувствительны, – отец Джордан не сводил с него пристального взгляда. – Останетесь ненадолго, когда вечеринка закончится?

– Конечно.

И тут отец Джордан произнес так тихо, что Аллейн едва его расслышал:

– Вы ведь Родерик Аллейн, я прав?

III

В опустевшем салоне пахло окурками и недопитым спиртным. Аллейн отворил дверь на палубу: на небе блистали звезды, среди них покачивалась корабельная мачта, и ночное море билось о борта судна.

– Простите, что задерживаю вас, – произнес за его спиной отец Джордан.

Аллейн затворил дверь, и они уселись.

– Позвольте сразу же заверить, – начал отец Джордан, – что уважаю вашу анонимность... хотя нет, анонимность, наверное, не то слово. Ваше инкогнито, так будет лучше?

– Я не слишком придирчив к выбору слов, – сухо ответил Аллейн.

– Можете не беспокоиться, что я вас узнал. Это страннейшее из совпадений. Так могла бы сказать ваша жена при встрече.

– Неужели?

– Нет, я с ней не знаком, но большой поклонник ее живописи. Относительно недавно посетил ее персональную выставку, и один маленький портрет произвел на меня неизгладимое впечатление. Картина была без названия, но мой брат-священник, отец Коупленд из церкви Святого Эгидия, что в Уинтоне, знакомый с вами обоими, сказал, что это портрет мужа художницы, знаменитого инспектора Аллейна. Я очень хорошо запоминаю лица, и сходство неоспоримое. Уверен, что не ошибся.

– Трой, – заметил Аллейн, – была бы очень благодарна за такую оценку.

– Ну и еще одно. Это пари мистера Мэрримена было не спонтанным, а организованным специально, не так ли?

– Боже ты мой! Похоже, я просто оскрамился!

– Нет, нет. Не вы. Вы были крайне убедительны. Это капитан.

– Да, пожалуй, он немного перестарался.

– Вот именно. – Отец Джордан подался вперед и спросил:

– Скажите, Аллейн, ради чего вы завели разговор об этом Цветочном Убийце?

– Ради забавы. Чего ж еще?

– Значит, не хотите мне говорить.

– По крайней мере, – небрежно произнес Аллейн, – у вас имеется алиби на пятнадцатое января.

– Но вы мне, конечно, не доверяете.

– Не стоит затрагивать этот вопрос. Вы ведь уже выяснили, я полицейский.

– Очень вас прошу, доверьтесь мне. Вы не пожалеете. Вы ведь можете проверить мое алиби, верно? Ну а другой случай, с этим несчастным дитя, которое ходило в церковь, с ним что прикажете делать? Это было двадцать пятого января. Тогда я был на конференции в Париже. Вы можете это выяснить, не составит труда. Вы, несомненно, поддерживаете связь с коллегами. Так что можете узнать через них.

– Думаю, это можно будет сделать.

– Так сделайте! Я вас умоляю. Если вы здесь инкогнито, как я подозреваю, вам нужен человек, которому можно довериться.

– Это не всегда оправдывает ожидания.

– наших женщин нельзя оставлять одних. – Отец Джордан поднялся и смотрел на палубу через стеклянную дверь. – Вот, пожалуйста, полюбуйтесь.

Миссис Диллингтон-Блик решила прогуляться по палубе. Проходила мимо освещенных иллюминаторов над моторным отсеком и вдруг остановилась. Ее серьги и ожерелье мерцали, алый шарф, накинутый на голову, трепетал от ночного бриза. Тут из тени под мостиком вышел мужчина и направился к ней. Взял ее под руку. Они развернулись и скрылись из вида. То был Обин Дейл.

– Вот видите, – заметил отец Джордан. – И если я прав, таких вещей допускать нельзя.

– Сегодня у нас седьмое февраля, – сказал Аллейн. – А преступления совершаются с десятидневными интервалами.

– Но пока их было всего два.

– Была еще одна попытка пятого января. В прессе о ней умолчали.

– Вот как! Значит, пятого, пятнадцатого и двадцать пятого. Получается, что со дня последнего убийства прошло уже больше десяти дней. Если вы правы (и интервалы в конечном счете могут оказаться всего лишь совпадением), тогда опасность велика.

– Напротив. Если версия о десятидневных интервалах верна, то миссис Диллингтон-Блик в данный момент не грозит никакой опасности.

– Но... – Отец Джордан уставился на него широко раскрытыми глазами. – Вы хотите сказать, были еще преступления? Со времени нашего отплытия? Почему же тогда...

– Примерно за полчаса до отплытия этого судна и в двухстах ярдах от него. В ночь с четвертого на пятое. Убийца удивительно пунктуален, рассчитывает все до минут.

– Боже милостивый! – воскликнул отец Джордан.

– На данный момент никто из пассажиров и команды, за исключением капитана, не знает об этом. И если только кто-либо не озаботится сообщить эту новость по телеграфу в Лас-Пальмас, так ничего и не узнают.

– Четырнадцатое... – пробормотал отец Джордан. – Так вы считаете, до четырнадцатого февраля мы в безопасности?

– Остается лишь надеяться. Может, выйдем немного подышать свежим воздухом перед сном? Думаю, стоит. – Аллейн распахнул двери. Отец Джордан последовал за ним.

– Я тут подумал, – заметил он, – вы, наверное, считаете, я люблю вмешиваться в чужие дела. Это не так. Просто у меня особое чутье на зло в любых его проявлениях. И еще я всегда считал своим долгом по мере сил предотвратить его, не допустить греха. Я, своего рода, духовный полицейский. Разумеется, с вашей профессиональной точки зрения, все это полная чушь.

– Почему же, я уважаю вашу позицию, – сказал Аллейн. Секунду-другую они молча смотрели друг на друга. – И вот еще что, сэр. Я очень бы хотел вам доверять.

– Ну, хоть какой-то шаг вперед, – произнес отец Джордан. – Оставим все как есть, пока не проверите мое алиби?

– Если вы не против, конечно.

– Разве у меня есть выбор? – спросил отец Джордан. И через секунду добавил: – В любом случае получается, у нас сейчас перерыв. До четырнадцатого февраля, так?

– Если эта наша версия о временных интервалах верна. Но она может оказаться неверной.

– Полагаю, психиатр...

– Да, доктор Мэйкпис, к примеру. Я уже подумываю проконсультироваться с ним.

– Но...

– Да?

– У него нет алиби. Он сам так сказал.

– Нас всегда учили, – заметил Аллейн, – что виновный в такого рода преступлениях человек никогда не признается, что у него нет алиби. У него оно всегда найдется. Ну, хоть какое-то. Так выйдем на палубу?

Они вышли. Легкий бриз все еще дул, но холодно не было. Корабль пробирался сквозь тьму, слегка подрагивая и раскачиваясь, жил собственной жизнью, издавал все положенные при этом звуки, но в целом на нем царили тишина и спокойствие. Аллейн и отец Джордан прошли по правому борту до кокпита, и тут пробили склянки.

– Полночь, – произнес Аллейн.

Мимо них бесшумно проходили матросы. В дальнем конце палубы на миг возникли миссис Диллингтон-Блик и Обин Дейл, они направлялись к пассажирскому отсеку. Пожелали всем доброй ночи и скрылись из вида.

Отец Джордан, щурясь, всмотрелся в циферблат своих часов.

– Уже сегодня прибываем в Лас-Пальмас, – проговорил он.

Глава 6

Сломанная кукла

I

Лас-Пальмас славится среди туристов своими умеющими ходить и говорить куклами. Они смотрят на вас почти из каждой магазинной витрины, сидят рядами на уличных базарах близ пристани. Они различаются по размеру, цене и качеству. У одних одежды цинично прибиты прямо к телам мелкими гвоздиками, другие наряжены в роскошные платья ручной работы самых изысканных фасонов. У одних под шляпками лысина, на других красуются высокие испанские парики из натуральных волос, прикрытые кружевными мантильями. Самые дорогие куклы носили ожерелья, браслеты и даже колечки, почти у всех под цветастыми и вышитыми юбками были одеты нижние пышные юбки. Они могли быть ростом с ребенка или же размером с женскую ладонь.

Все эти куклы имели две общие черты. Если одну из них взять за ручку и слегка потянуть, кукла начинала дрыгать ножками, двигать ими взад-вперед, имитируя походку. При ходьбе она также поворачивала головку из стороны в сторону, а внутри тела срабатывал механизм, и кукла говорила: «Ма-ма». Пищали они все примерно одинаково, и голоса их до ужаса походили на младенческие. Почти каждый побывавший в Лас-Пальмаса помнит, как какая-нибудь маленькая девочка умоляла родителей купить ей такую говорящую куклу, или видел вполне взрослую женщину, застывшую у прилавка, чтобы ими полюбоваться.

Компания предоставила в распоряжение капитана Баннермана автомобиль с открытым верхом, и тот усадил в него миссис Диллингтон-Блик, прекрасную и соблазнительную, как какой-нибудь рахат-лукум. И они двинулись по улицам Лас-Пальмаса, останавливаясь у магазинов, причем водителю приходилось проявлять нешуточное терпение, пока миссис Диллингтон-Блик покупала себе черную кружевную мантилью с большими вкраплениями металлических блесток, гребень для закрепления этой мантильи на голове, несколько португальских ювелирных украшений и большой веер. Капитан Баннерман накупил ей целый ворох искусственных магнолий, потому что настоящих они не нашли. Капитан так и раздувался от гордости – похоже, весь Лас-Пальмас любовался его роскошной спутницей. Они зашли в магазин, где в витрине было выставлено испанское платье из черного кружева с приподнятым подолом, из-под которого выступали края пышных алых нижних юбок. Водитель целовал свои пальцы и твердил, что если миссис Диллингтон-Блик примерит его, то будет выглядеть, как Королева Небес. Миссис Диллингтон-Блик рассматривала платье, слегка склонив голосу набок.

– А знаете, – сказала она капитану, – со скидкой на все эти преувеличения, свойственные латинянам, я склонна с ним согласиться.

С другой стороны улицы к ним подошли Тим Мэйкпис с Джемаймой. Джемайма заметила:

– Нет, правда, примерить стоит. Будете выглядеть просто потрясающе. Ну, пожалуйста! Примерьте хотя бы ради забавы.

– Вы так считаете? Ну, тогда идемте со мной. Дайте трезвую оценку.

Капитан сообщил, что ему надо зайти по каким-то делам в офис своего агентства и он вернется через двадцать минут. Тим, которому очень хотелось купить Джемайме розы, сказал, что тоже отлучится ненадолго. И вот дамы остались вдвоем и вошли в магазин.

Душный и жаркий день перешел в вечер. Сумерки быстро сменились темнотой, пальмовые ветви шелестели и потрескивали под усилившимся ветром, и по обоюдной договоренности

в девять вечера капитан Баннерман и миссис Диллингтон-Блик должны были встретиться у входа в самый лучший отель Лас-Пальмаса, где собирались поужинать.

Миссис Диллингтон-Блик пришлось вернуться на пароход, где она переделалась в шикарное испанское платье, которое, разумеется, купила. К этому ее подтолкнула Джемайма.

– Ну, что я вам говорила? – торжествующе воскликнула девушка. – В таком платье вы должны сидеть в театральной ложе и смотреть пьесу Лопе де Вега в окружении самых шикарных кабальеро. Это будет фурор! – Миссис Диллингтон-Блик, сроду не слышавшая о Лопе де Вега, улыбнулась, распахнула глаза и завертелась перед зеркалом, разглядывая себя. – Неплохо. Нет, правда, очень даже ничего. – Затем она приколотла к низкому вырезу платья одну из искусственных магнолий, которую подарил ей капитан Баннерман. И одарила Джемайму торжествующим взглядом женщины, которая знает, что успех ей обеспечен. – Правда, я бы предпочла, чтобы в этом наряде меня вывел в свет Бэ Вэ.

– Бэ Вэ?

– Ну да, дорогая. Брут Великолепный. Или, если вам угодно, Бродерик Великий. Уж я метала в него такие намеки, прямо как молнии, но, увы, без всякого успеха.

– Не важно, – заметила Джемайма. – Вы в любом случае будете иметь огромный успех. Обещаю!

И она тоже побежала переодеваться. И, прикалывая к платью красную розу, подаренную Тимом, вдруг подумала, что не вспоминает о своих несчастьях вот уже часов шесть. Да и к чему о них вспоминать? Ведь ее ждет ужин в ресторане, в иностранном городе, на этом необыкновенном острове. Ужин в компании с приятным молодым человеком.

Все складывалось как нельзя лучше: чудесный, сказочный, похожий на прекрасный сон вечер во время одной из стоянок корабля, вышедшего в дальнее плавание. Улицы, по которым они ехали; еда, которую ели; музыка, под которую танцевали; цветы; романтическое приглушенное освещение; экзотично выглядевшие люди – все это, говорила Джемайма Тиму, было «из какого-то другого мира». Они сидели за столиком у края танцплощадки, без умолку болтали о разных интересных вещах и с радостью осознавали, что нравятся друг другу.

В половине десятого прибыла миссис Диллингтон-Блик в сопровождении капитана и Обина Дейла. Она действительно, как успела шепнуть Тиму Джемайма, произвела фурор. Все смотрели только на нее. Метрдотель так и застыл на миг в немом, чуть ли не религиозном благоговении. Восхищенные взгляды окутывали ее, точно запах дорогих духов. Она потрясала воображение.

– Я восхищаюсь этой дамой, – призналась Джемайма. – А вы?

Девушка сидела, подперев ладонью подбородок. Ее руку, куда менее пышную, чем у миссис Диллингтон-Блик, освещали золотистые отблески свечей, глаза блестели.

– Пожалуй, впервые вижу живое воплощение столь вызывающей и всеобъемлющей женственности, – ответил Тим. – Представляю, сколько трудов у нее ушло, чтобы добиться этого эффекта. Да, это, конечно, нечто. Но она не в моем вкусе.

Джемайме понравился этот ответ.

– А мне она симпатична, – сказала она. – Она человек теплый, простой и без комплексов.

– Это уж точно. О, привет! Кого я вижу, вы только посмотрите!

Вошел Аллейн в компании с отцом Джорданом. Их провели к столику и усадили неподалеку от Тима и Джемаймы.

– Почетные гости! – Джемайма помахала им рукой.

– Выглядят весьма впечатляюще, вы не находите? Должен признаться, мне очень нравится мистер Бродерик. Славный малый, вы согласны?

– Да, вполне, – искренне отозвалась Джемайма. – Ну а что скажете об отце Джордане?

– Не знаю, что и сказать. Интересное лицо, не типичное для священника.

– Разве существуют типичные для священников лица? Или же на уме у вас комические персонажи из любительского театрального кружка?

– Нет, – медленно ответил Тим. – Не думаю. Но взгляните на его глаза и губы. Он ведь давал обет безбрачия. Но убежден, это для него не препятствие.

– Допустим, – начала Джемайма, – вы бы очень нуждались в совете. К кому бы тогда обратились из этих двух?

– О, к Бродерiku, конечно. А кстати, вам самой совет не нужен?

– Нет.

– Если вдруг понадобится, я был бы рад, если бы вы обратились ко мне.

– Спасибо, – откликнулась Джемайма. – Буду иметь в виду.

– Вот и славно. Давайте потанцуем.

– Красивая молодая парочка, – заметил отец Джордан, когда они пронеслись мимо него в вихре танца. – От души надеюсь, что вы были правы, когда говорили...

– Говорил о чем?

– Об алиби.

Оркестранты выдали барабанную дробь и стихли. Танцплощадка опустела, и два прожектора высветили пару, исполняющую танго. Мужчина и женщина были преисполнены страсти, словно птицы в брачный период. Они то наступали друг на друга, то замирали на месте, раскачивались, трещали кастаньетами и взирали друг на друга хмуро и одновременно восторженно.

– Вот это, я понимаю, ухаживание, сколько агрессии, – пробормотал Тим.

Закончив, танцоры прошли между столиков, по-прежнему освещенные лучами прожекторов.

– О нет! – воскликнул отец Джордан. – Быть того не может, еще одна кукла!

Кукла была огромная и удивительно реалистичная, ее несла женщина-танцовщица. Очевидно, хотела продать. Она сверкала фальшивой улыбкой и с гордостью демонстрировала свой товар, ее партнер находился рядом и смотрел мрачно.

– Senors e Senoras! – донесся из громкоговорителя голос ведущего. И далее он объявил, что имеет честь представить всем гостям прекрасную «La Esmeralda» – так, очевидно, звали куклу.

– Забавно, – заметил Аллейн.

– Что именно?

– Да ведь одета она так же, как и наша миссис Дэ Бэ.

И действительно – кукла была наряжена в пышное черное кружевное платье и мантилью. Мало того, на ней было зеленое ожерелье и серьги, а также кружевные перчатки, и в пальцах она сжимала распахнутый веер. То была кукла-женщина с дерзким красивым лицом и ослепительной улыбкой – в точности как у танцовщицы. Видно, и стоила она очень дорого. Аллейн с любопытством наблюдал за тем, как парочка приблизилась к столу, за которым сидели миссис Диллингтон-Блик, капитан и Обин Дейл.

Танцоры, разумеется, тоже заметили сходство, как и метрдотель. Все они заулыбались еще шире, не сводя восхищенных глаз с куклы, которую подносили к миссис Диллингтон-Блик.

– Бедный старина Баннерман, – проговорил Аллейн. – Вот теперь он, боюсь, попался. Если только Дейл не...

Но Обин Дейл характерным жестом вскинул руки, а затем с обезоруживающей искренностью сказал танцорам, что нечего на него так смотреть, в то время как капитан уставился прямо перед собой, и на раскрасневшемся его лице читалось полное безразличие. Миссис Диллингтон-Блик покачала головой, улыбнулась, снова отрицательно покачала головой. Танцоры поклонились, улыбнулись, двинулись дальше, к следующему столику. Женщина наклонилась и снова заставила куклу идти.

– Ма-ма, – пропищала кукла. – Ма-ма!

– Леди и джентльмены, – продолжил через микрофон ведущий на этот раз уже по-английски, – имеем честь представить вам мисс Эсмеральду, королеву Лас-Пальмаса!

Откуда-то из тени в дальнем конце зала махнули салфеткой. Женщина подхватила куклу и, огибая столики, двинулась туда, партнер следовал за ней. Луч прожектора осветил их. Все дружно обернулись в ту сторону. Двое посетителей даже привстали. Разглядеть человека, сидевшего за дальним столиком, никак не удавалось. Через некоторое время женщина повернула обратно, таща за собой куклу.

– Не продала, – заметил отец Джордан.

– Напротив, – возразил Аллейн. – Думаю, продала. Вот, смотрите!

Куклу торжественно доставили к столику капитана и почтительно презентовали миссис Диллингтон-Блик.

– Нет, вы только посмотрите! – воскликнул Тим.

– Вот это настоящий триумф! – радостно подхватила Джемайма.

– Кто же этот бедняга, попавшийся на удочку?

– Не вижу. Наверняка какой-нибудь роскошный гранд со сверкающим взором и в алом кушаке. Миссис Диллингтон-Блик, очевидно, в восторге.

Танцоры указывали на покупателя. Миссис Диллингтон-Блик, смеющаяся и торжествующая, держала куклу и тянула шею, чтобы рассмотреть дарителя. Луч прожектора осветил дальний угол зала. Там кто-то поднялся с места.

– Ой, смотрите! – крикнула Джемайма.

– Да разрази меня гром! – воскликнул Тим.

– Просто удивительно, – произнес отец Джордан. – Ведь это мистер Макангус!

– Сделал ответный жест, – сказал Аллейн.

II

«Мыс Фаруэлл» отплывал в два часа ночи, и к половине второго пассажиры поднялись на борт. Аллейн с отцом Джорданом вернулись в полночь. Аллейн сразу же пошел к себе в каюту посмотреть, нет ли почты. И нашел подробный отчет из Скотленд-Ярда о нападении на мисс Бижу Брауни, имевшем место пятого января, а также письмо от своего начальника, сообщавшего, что никаких подвижек в деле цветочницы на набережной нет и что он должен придерживаться намеченного ранее плана. Аллейн позвонил в Ярд из управления полиции Лас-Пальмаса и поговорил с инспектором Фоксом. Следуя указаниям Аллейна в радиোগрамме, Ярд занялся проверкой алиби пассажиров. Отец Джордан, по словам Фокса, был просто чистое золото, а не священник. В кинотеатре, который посетил мистер Мэрримен, в ночь убийства действительно показывали фильм «Жилец», в первой половине сдвоенного сеанса. Личности возлюбленной Обина Дейла полиции пока установить не удалось, но Фокс надеялся, что в самом скором времени они все узнают, ну и придумают какой-нибудь предлог, позволяющий расспросить ее о том, чем они с Дейлом занимались в ночь на пятнадцатое января. Все остальные показания Дейла подтвердились. Фокс также связался с отделом профсоюзов, собрания которых посещал мистер Кадди, – под предлогом, что там были похищены какие-то очень дорогие часы и они проводят расследование. Что они якобы получили информацию о том, что часы украли у мистера Кадди неподалеку от этого места вечером пятнадцатого января. После ряда расспросов выяснилось, что мистер Кадди действительно посещал собрание, о чем осталась его запись в журнале, но затем секретарша вспомнила, что ушел он рано, сославшись на плохое самочувствие. Что же касается мистера Макангуса, операцию по удалению аппендикса ему сделали через четыре дня после указанной даты. Поэтому, сухо заметил Фокс, проверить подлинность его путаных воспоминаний пока не представляется возможным. Но они постараются разузнать,

там видно будет, может, что и всплывет. Ответ на запрос в больницу, где работал доктор Мэйкпис, свидетельствует о том, что в тот день он до полуночи был на дежурстве.

Капитан Баннерман, как выяснилось, действительно находился в Ливерпуле вечером пятнадцатого, в ходе рутинной проверки это подтвердили и все остальные находившиеся с ним офицеры. И, само собой разумелось, что командир корабля не станет выхватывать из рук пассажиров посадочные талоны.

Второй обрывок посадочного талона так и не был найден.

Сыщики проконсультировались с рядом авторитетных психиатров, и все они пришли к выводу, что десятидневные интервалы у убийцы, скорее всего, продолжатся, а потому четырнадцатое февраля – это конечный срок. Впрочем, один из ученых мужей высказал мнение, что тяга к убийству у такого маньяка вполне может обостриться из-за неблагоприятного стечения обстоятельств. А потому, предположил Фокс, неприятности могут произойти и до четырнадцатого февраля, в том случае, если вдруг что-то раздражит или подстегнет убийцу.

В заключение телефонного разговора Фокс поинтересовался, какая там сейчас погода, и заметил, что субтропический климат всегда шел людям на пользу. Аллейн склонялся к тому же мнению, однако заметил, что если Фокс собирается предпринять долгое морское путешествие в компании с убийцей-маньяком (личность которого не установлена, а намерения самые серьезные), а также с двумя наиболее вероятными его жертвами, то вряд ли от путешествия он получит большое удовольствие, и что сам инспектор с радостью поменялся бы с ним местами. На том они и распрощались.

Аллейн также получил телеграмму от жены. Там говорилось следующее:

«Отправляю петицию за то что бросил если нужно что-то послать сообщки куда люблю дорогой Троя».

Он отложил бумаги и спустился на кокпит. Было уже двадцать минут первого, но никто из пассажиров спать еще не ложился. Кадди сидели в салоне и рассказывали Денису, с которым успели подружиться, о своих приключениях в городе. Мистер Мэрримен расположился на палубе в шезлонге: полулежал в нем, скрестив руки на груди и сдвинув шляпу на нос. Мистер Макангус и отец Джордан, опираясь на поручни, смотрели вниз, на причал. Ахтерлюк был открыт, и лебедка работала. Ночь выдалась теплая и душная.

Аллейн прошел по палубе, заглянул в черноту ахтерлюка, где мелькали драматично высвеченные лампами фигуры работавших там людей. Аккомпанементом к операции по укладыванию гигантских количеств рыбы в трюм служили скрип лебедки, невнятные голоса внизу да пульсирование двигателей. Инспектор смотрел и слушал несколько минут, затем вдруг понял, что слышит еще один какой-то необычный звук. Где-то поблизости кто-то пел на латинском: то было строгое, размеренное и какое-то совершенно бесполое песнопение:

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata
Hostemque nostrum comprime
Ne pollutantur corpora.²¹

Аллейн прошел до конца палубы. В крохотной нише, еле видная в отраженном свете, сидела мисс Эббот и пела. И, увидев его, тотчас умолкла. В руках она держала несколько листов бумаги – очевидно, какое-то очень пространное письмо.

– Это было прекрасно, – заметил Аллейн. – Жаль, что вы остановились. Такая необычная, умиротворяющая, что ли, мелодия.

Она сказала, скорее себе, чем ему:

²¹ Перевод приведен ниже в этой же главе в разделе V.

- Да. Умиротворяющая и набожная. Эта музыка призвана отгонять дьяволов.
- Но что именно вы пели?

Тут мисс Эббот резко поднялась и вся словно ошетичилась. И голос ее прозвучал по контрасту как-то особенно грубо:

- Ватиканский кантус²².
- Я свалил глупость. Заявился сюда и помешал вам петь. Век седьмой, наверное?
- Шестьсот пятьдесят пятый год. Перепечатана из манускрипта в «Либер Градуалис» за 1883 год, – отрывисто сообщила она и повернулась, чтобы уйти.
- Не стоит, – возразил Аллейн. – Я уже уйду.

– Мне тоже пора, – мисс Эббот прошла мимо него. Глаза расширились и потемнели от возбуждения. Она прошагала по палубе к освещенному месту, где собрались все остальные, уселась в шезлонг чуть в стороне и принялась читать письмо.

Через минуту-другую Аллейн тоже развернулся и подошел к мистеру Макангусу.

- Широкий жест вы сделали сегодня вечером, – заметил он.

Мистер Макангус прищелкнул языком.

– Мне невероятно повезло! – воскликнул он. – Такое счастливое совпадение, не правда ли? И сходство, знаете ли, просто поразительное. Я искал как раз нечто в этом роде и нашел. И, как понимаю, подарок понравился. – Он колебался секунду-другую, потом мечтательно добавил: – Меня пригласили к ним за столик, но я, разумеется, отказался. Подумал, что не стоит. А она, похоже, была в полном восторге. То есть я хотел сказать, от этой куклы. Не переставала ею восхищаться.

- Уверен, так и было.

– Да, – сказал мистер Макангус. – Да. – А потом забормотал что-то еле слышным шепотом. Он уже не обращал внимания на Аллейна, смотрел мимо него на причал.

Было уже двадцать минут второго. На причале появилось такси. Из машины, оживленно переговариваясь, вышли Джемайма Кармишель и Тим Мэйкпис. Похоже, они пребывали в наилучших отношениях друг с другом, да и со всем остальным миром тоже. Подошли к трапу с веселыми улыбками на лицах.

– О! – воскликнула Джемайма, увидев Аллейна. – Ну скажите, разве Лас-Пальмас – это не рай небесный? Мы так повеселились, просто чудесно провели время!

Однако не на Джемайму так пристально смотрел мистер Макангус. Следом за такси на пирс выехала машина с открытым верхом, в которой сидели миссис Диллингтон-Блик, капитан и Обин Дейл. Они тоже вроде бы неплохо провели время, но вели себя более серьезны, чем Тим и Джемайма. Лица мужчин были омрачены, переговаривались они тихими голосами. Миссис Диллингтон-Блик по-прежнему выглядела потрясюще. Ее улыбка, пусть и не столь широкая, как обычно, была полна какого-то тайного смысла, глаза уже не стреляли по сторонам, но все равно казались чрезвычайно выразительны, а то, что под ними залегли тени, было еле заметно. Мужчины помогли ей подняться по трапу. Капитан шел первым. Он нес куклу и поддерживал миссис Диллингтон-Блик за локоток, а Обин Дейл обхватил ее обеими руками за талию и поддерживал сзади. Сыпались шутки, они сопровождались сдержанным смехом.

Поднявшись на палубу, капитан сразу ушел на мостик, а миссис Диллингтон-Блик тотчас же обступили со всех сторон. Мистер Макангус выступал гордо, отец Джордан высказывал свое мнение, на Аллейна устремились косые взгляды. Кукла демонстрировалась всем желающим, даже Кадди вышли из салона, чтобы посмотреть. Миссис Кадди заметила, что сотворить такую куклу требовало немалого труда. А мистер Кадди не сводил глаз с миссис Диллингтон-Блик и прозрачно намекнул, что далеко не все на этом свете можно скопировать. Аллейна заставили

²² Кантус – ведущая мелодия, главная тема, являющаяся основой полифонического произведения.

пройтись с куклой, сама миссис Диллингтон-Блик шла следом, имитируя ее походку, вертела головой и пищала:

– Ма-ма!

Мисс Эббот отложила письмо и неодобрительно и изумленно уставилась на миссис Диллингтон-Блик.

– Мистер Мэрримен! – воскликнула миссис Диллингтон-Блик. – Проснитесь! Позвольте познакомить вас с моей сестрой-близняшкой по имени донна Эсмеральда.

Мистер Мэрримен снял шляпу и с отвращением взглянул на куклу. Затем – на ее владелицу.

– Сходство, – заметил он, – просто поразительное, так что не вызывает никаких эмоций. Кроме разве что глубочайшего сожаления.

– Ма-ма! – снова пропищала миссис Диллингтон-Блик.

На палубу, сияя улыбкой, выскочил Денис, подошел к ней.

– А вам телеграмма, миссис Диллингтон-Блик. Поступила сразу же, как только вы сошли на берег. Я вас где только не искал... – О боже! – воскликнул он, не сводя с куклы глаз. – Какая прелесть!

Мистер Мэрримен с ужасом взглянул на Дениса и снова надвинул шляпу на нос.

Миссис Диллингтон-Блик ахнула и принялась распечатывать телеграмму.

– Боже мой милостивый! – вскрикнула она. – Нет, вы просто не представляете! Как это все ужасно. Просто пугающе! О!..

– Дорогая! – бросился к ней Обин Дейл. – Что такое, что случилось?

– Это от мужчины, одного моего друга. Нет, в это трудно поверить! Вот, послушайте! «Послал целое море гиацинтов на корабль но магазин сообщил мне что молодая женщина посыльная стала последней жертвой цветочного убийцы точка карточку вернула полиция точка что за ужас точка желаю приятного путешествия Тони»!

III

Всех пассажиров так расстроили новости от миссис Диллингтон-Блик, что они почти не заметили отплытия корабля. «Мыс Фаруэлл» неслышно отделился от причала в Лас-Пальмасе и двинулся прочь, в темноту, постепенно набирая скорость. Миссис Диллингтон-Блик продолжала оставаться в центре внимания.

Все столпились вокруг нее, мистер Кадди умудрился подойти поближе, чтобы хотя бы искоса взглянуть на телеграмму. Мистер Мэрримен, под предлогом размять ноги, поднялся из шезлонга и, откинув голову, что помогало ему тайно наблюдать из-под полей шляпы, не сводил глаз с миссис Диллингтон-Блик. Даже мисс Эббот, сидя в кресле, всем телом подалась вперед, сжимая в пальцах скомканное письмо. Ее крупные руки беспомощно свисали между колен. Капитан Баннерман, спустившийся с мостика, смотрел, по мнению Аллейна, слишком многозначительно и понимающе, и то и дело пытался поймать его взгляд. Аллейн, избегая глядеть на него, смешался с толпой и громко комментировал случившееся. Начались рассуждения на тему того, где именно и когда убили девушку, которая должна была доставить цветы. На фоне всего этого шума вдруг выделился визгливый голос миссис Кадди:

– И снова эти гиацинты! Нет, представляете? Вот совпадение!

– Но, моя дорогая, – язвительно заметил мистер Мэйкпис, – сейчас как раз сезон этих цветов. И, несомненно, их полным-полно во всех магазинах и лавках. Так что я не стал бы придавать этому обстоятельству особого значения.

– Мистеру Кадди они никогда не нравились, – огрызнулась миссис Кадди. – Правда, дорогой?

Мистер Мэрримен всплеснул руками, резко развернулся и лицом к лицу столкнулся с мистером Макангусом. Звон упавших очков, громкий возглас проклятия от мистера Мэрримена. Эти двое повели себя, точно комедианты. Они наклонились одновременно, снова стукнулись головами, сердито вскрикнули и выпрямились, подобрав две пары очков, шляпу и цветок гиацинта.

– Страшно извиняюсь, – пробормотал мистер Макангус, держась за голову. – Надеюсь, вы не сильно ушиблись. Не пострадали?

– Еще как пострадал. Это моя шляпа, сэр, и мои очки. И теперь они сломаны.

– Надеюсь, у вас есть запасная пара?

– Наличие второй пары не компенсирует значимость потери первой. С первого взгляда ясно, эти очки уже не починить, – сказал мистер Мэрримен. Он отбросил в сторону гиацинт мистера Макангуса и вернулся к шезлонгу.

Остальные пассажиры все еще толпились вокруг миссис Диллингтон-Блик. Они стояли так тесно, что запах винного перегара смешивался с тяжелым ароматом духов миссис Диллингтон-Блик. Вот вам классический пример ужасающей близости, подумал Аллейн, если, конечно, среди этих людей, столь пылко обсуждающих происшествие, затесался настоящий убийца.

Но вот, наконец, от группы отошли Тим с Джемаймой, а потом и отец Джордан. Двинулся к кормовой части, остановился, облокотился о поручни. Миссис Кадди объявила, что идет спать, и взяла мужа под руку. Эта история, добавила она, испортила ей все настроение. Муж нехотя последовал за ней, а после того как с палубы ушла миссис Диллингтон-Блик в сопровождении Обина Дейла, компания окончательно распалась, и все пассажиры или разошлись по своим каютам, или просто исчезли где-то в тени.

К Аллейну подошел капитан Баннерман.

– Ну, как вам это понравилось? – спросил он. – Немного подпортило вашу игру, верно? – Тут он громко рыгнул. – Прошу прощения, – добавил он. – Всему виной это дерьмо, которое мы ели за ужином.

– Восемь из них не знают, где это случилось, и не знают точно, когда именно, – заметил Аллейн. – А вот девятый знает все. Так что особого значения это не имеет.

– Имеет, черт побери. Потому как вся ваша затея просто бред. – Капитан развел руками. – Да вы только посмотрите на этих господ. Я вас умоляю! Взгляните, как они себя ведут, ну и так далее.

– А как еще, по-вашему, они должны себя вести? Расхаживать в черных сомбреро и издавать звериные крики? Манеры у многих просто безупречные. И все же, возможно, вы и правы. Да, кстати, отец Джордан и Мэйкпис, судя по всему, отпадают. Ну и вы тоже, сэр. Думаю, вам это понравится. Ярд проверял алиби.

– Угу, – мрачно буркнул капитан и принялся загибать пальцы. – Стало быть, у нас остаются Кадди, Мэрримен, Дейл и этот старый клоун, как его там...

– Макангус.

– Да именно. Что ж, уже хоть что-то! Ладно, – добавил капитан, – пора и мне на боковую. Выпил сегодня лишнего. И все же она потрясающая женщина! Доброй ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Капитан было отошел, затем вернулся.

– Получил сигнал из компании, – сообщил он. – Они категорически не желают никакой огласки, и лично я считаю, это правильно. В этом целиком полагаются на меня. Не хотят, чтобы пассажиры огорчались из-за каких-то пустяков. И я с ними согласен. Так что постарайтесь запомнить.

– Постараюсь.

– В море... капитан главный.

– Вас понял, сэр.

– Вот и хорошо. – Капитан взмахнул рукой и стал осторожно подниматься по трапу на мостик.

Аллейн прошел на корму, где все еще, опираясь на поручни, стоял отец Джордан и смотрел куда-то вдаль, в ночь.

– Я тут подумал, – начал Аллейн, – что если вам сейчас сыграть роль Горацио?

– Я? Горацио?

– Наблюдать и слушать, что подсказывает вам душа.

– Ах, это! Что ж, такая роль мне подходит. Постараюсь не спускать глаз с этих людей.

– Я тоже этим займусь. Какие будут соображения?

– Пока никаких. Абсолютно ничего. Ну разве если не считать того, что мистер Мэрримен норовит прикрыть лицо шляпой и очень вспыльчив.

– А мистер Кадди явно перевозбужден.

– А мистер странноватый Макангус только и знает, что пританцовывать, то в одну сторону, то в другую. Нет! – выразительно воскликнул отец Джордан. – Нет! Не могу поверить, что кто-то из них... И однако же...

– Все равно улавливаете запах зла?

– Уже начал спрашивать себя, не является ли это лишь плодом воображения.

– Возможно, – согласился Аллейн. – А вот я постоянно спрашиваю себя, уж не нагородили ли мы целый ворох фантазий вокруг обрывка бумаги, зажатого в руке убитой девушки. Но с другой стороны... Понимаете, у всех вас были посадочные талоны перед посадкой на борт. Ну, по крайней мере, должны были быть. Могло ли один из потерянных – ваш, к примеру – сдуть ветром через иллюминатор и унести на причал, где бы он попал в ее руку? Нет. Потому что все иллюминаторы задраены, так бывает всегда, до тех пор, пока судно не отплывет. Давайте немного прогуляемся, согласны?

И они двинулись по палубе вдоль левого борта. Дошли до небольшого выступа перед моторным отсеком и остановились, пока Аллейн раскуривал трубку. Ночь выдалась очень теплая, но затем потянуло ветерком, и корабль словно ожил. Откуда-то доносился высокий бречащий звук.

– Кто-то поет, – произнес Аллейн.

– Нет, думаю, просто ветер свистит в оснастке. Кажется, так называют эти веревки? Интересно знать, почему.

– Да нет, вы послушайте. Теперь звучит четче.

– Да, так и есть. Кто-то поет.

То был высокий довольно нежный голос, и исходил он, судя по всему, откуда-то из пассажирского отсека.

– «Сломанная кукла», – пробормотал Аллейн.

– Станный выбор, старомодная песенка.

Настанет день, и еще пожалеешь,
Что бросила сломанную куклу...

А затем мелодия словно испарилась.

– Замолчали, – сказал Аллейн.

– Да. Послушайте, может, все же стоит предупредить женщин? – спросил отец Джордан, когда они двинулись дальше. – До наступления крайнего срока?

– Пароходная компания против, и капитан тоже. А мое начальство просило по возможности уважать их желания. Считают, что женщин надо защищать так, чтобы они этого не заподозрили. Для них же будет лучше. А этот Мэйкпис, похоже, толковый и надежный парень. Так что, думаю, ему рассказать можно. Он с радостью станет защищать мисс Кармишель.

Словно подражая капитану, отец Джордан заметил:

– Значит, у нас остаются Дейл, Мэрримен, Кадди и Макангус. – Но затем, в отличие от капитана, он добавил: – Полагаю, это возможно. Наверное. – Священник опустил руку на плечо Аллейна. – Вы наверняка сочтете, что я до смешного непоследователен... вот стоит только начать вспоминать, – тут он умолк ненадолго, а его пальцы так и впились в рукав Аллейна.

– Да? – спросил инспектор.

– Понимаете, я священник, англо-католический священник. Я слушаю исповеди. Это мой скромный и в то же время удивительный долг. И всякий раз просто испытываешь потрясение, столкнувшись с неожиданным грехом.

После паузы Аллейн заметил:

– Полагаю, то же самое можно отнести и к моей работе.

Какое-то время они шли в полном молчании, дошли до конца кормы, повернули назад, снова двинулись вдоль левого борта. Свет в салоне был выключен, под окнами на палубе залегли густые темные тени.

– Ужасно так говорить, – резко произнес отец Джордан. – Но знаете, в какой-то момент мне вдруг захотелось вместо того, чтобы пребывать в столь мучительной неуверенности, точно знать: этот убийца здесь, на борту. – Он шагнул в сторону и присел на краешек кнехта под верхней палубой. Палуба эта отбрасывала глубокую тень. Казалось, он провалился в темноту, словно в люк.

– Ма-ма!

Голосок пискнул прямо у него под ногами. Священник так весь и сжался, и застыл.

– Боже милостивый! – воскликнул отец Джордан. – Что же я наделал!

– Судя по звуку, – сказал Аллейн, – вы вроде бы наступили на Эсмеральду.

Он наклонился. Пальцы нащупали кружево, твердую поверхность под ним и что-то еще.

– Не двигайтесь, – велел Аллейн. – Одну секунду.

И он достал из кармана тоненький, словно карандаш, фонарик. Посветил. То была мини-атюрная копия карманного фонаря, которым пользовался капрал полиции Мойр.

– Я что, ее сломал? – с тревогой спросил отец Джордан.

– Она уже была сломана. Вот, смотрите.

И действительно. Шею свернули с такой силой и яростью, что Эсмеральда улыбалась теперь над левым плечом под каким-то невероятным углом. Черная кружевная мантилья была изодрана в клочья, обвязана вокруг шеи, на груди лежала россыпь оторванных изумрудных блесток и одинокий смятый цветок гиацинта.

– Ну вот, ваше желание сбылось, – пробормотал Аллейн. – Убийца точно на борту.

IV

Капитан Баннерман провел пальцами по светлым выгоревшим волосам и поднялся из-за стола.

– Сейчас половина третьего, – сказал он. – И, несмотря на то, что выпил я за ужином достаточно, хотя лучше бы не пил вовсе, мне просто необходимо глотнуть спиртного. Чего и вам советую, джентльмены.

Он выставил на стол бутылку виски и четыре стакана, стараясь при этом не прикасаться к большому предмету, который лежал у него на столе, прикрытый газетой.

– Чистый? – спросил он. – С водой или содовой?

Аллейн и отец Джордан попросили с содовой, а Тим Мэйкпис – с водой. Капитан предпочел неразбавленный виски.

– Знаете, – сказал Тим, – как-то до сих пор не могу оценить ситуацию. Слишком невероятно, чтобы в нее поверить.

– Я тоже не верю, – подхватил капитан. – Кукла – это чья-то шутка. Мерзкая, злая и дурацкая шутка, это так. Но всего лишь шутка. И я, разрази меня гром, и в мыслях не могу допустить, что я везу на своем судне Джека Потрошителя! Нет уж, увольте!

– Нет, нет, – пробормотал отец Джордан. – Боюсь, не могу с вами согласиться. Аллейн?

– Полагаю, что вариант с шуткой возможен. При наличии человека, который мог такое выкинуть, а также с учетом всех этих разговоров об убийствах и прочих параллельных обстоятельствах.

– Ну, вот вам, пожалуйста! – торжествующе воскликнул капитан. – И если хотите знать мое мнение, долго искать этого шутника не придется. Дейл большой любитель всяких дурацких шуточек. Только этим и занимается. Сам в том признался. Готов поспорить на что угодно...

– Нет, нет, – снова возразил отец Джордан. – Я не согласен. Он не способен на такую некрасивую выходку. Нет.

– Я тоже не согласен, – сказал Аллейн. – По моему мнению, в буквальном смысле слова никакая это не шутка.

– Думаю, все мы заметили, – начал Тим, – что... Ну, что мистер Макангус носил в петлице гиацинт.

Отец Джордан и капитан возмутились, но Аллейн остановил их, проговорив:

– И что он уронил цветок, столкнувшись лбом с мистером Мэррименом. А мистер Мэрримен подобрал гиацинт и бросил его на палубу.

– Ага! – радостно воскликнул капитан. – Ну, что я вам говорил? Все так оно и было.

– Но где, – спросил Тим, – она оставила куклу?

– На крышке кнехта. Посадила ее туда, когда получила телеграмму и, очевидно, просто забыла отнести в каюту. Именно там мы ее и нашли, буквально в трех футах от того места, куда Мэрримен бросил гиацинт. Как нельзя более кстати. – Аллейн обернулся к Тиму. – Насколько я понимаю, вы с мисс Кармишель первыми покинули компанию. И, наверное, перешли на правый борт, я не ошибся?

Тим слегка покраснел и кивнул:

– Ну, да.

– А не скажете ли вы, куда именно там направились?

– Э-э... нет. Вообще-то толком даже не помню. Так, где же мы остановились? Вроде бы чуть дальше от дверей, что ведут в пассажирский отсек. Там есть такая скамья...

– И как же долго вы там пробыли?

– Ну, э-э...

– До тех пор, пока все пассажиры не разошлись?

– А, ну да, конечно! Именно так.

– Не заметили ли вы, как кто-то из них входил, и что еще важнее, выходил через дверь из этого отсека?

– Э-э... нет.

– Джентльмены вашего склада, – мягко заметил Аллейн, – обычно не слишком наблюдательны, и точных свидетельств от них не добиться. Ну а уж когда влюблены, так тем более, становятся просто чертовски ненаблюдательны.

– Что тут поделаешь.

– Ладно, не важно. Думаю, я знаю, в каком порядке они расходились. Мистер Мэрримен, чья каюта первая слева в отсеке по правому борту, покинул компанию первым. Кстати, иллюминаторы его каюты выходят на левый борт, на ту же сторону выходит и та дверь в каютный отсек, которая была прекрасно вам видна. За ним последовал мистер Макангус, у которого каюта ровно напротив по коридору. Все остальные двинулись в противоположном направлении, скорее всего, прошли через другую дверь, которая находится по левому борту. Все, за исключением миссис Диллингтон-Блик и Обина Дейла, которые прошли внутрь через стек-

лянные двери в салон. Мы с капитаном Баннерманом немного поболтали, после чего он поднялся к себе на мостик. Затем мы с отцом Джорданом прошлись по палубе вдоль левого борта почти до самого конца, где находится некое подобие небольшой веранды. И где было темно и почти ничего не видно. Очевидно, именно в этот момент кто-то и свернул шею Эсмеральде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.